

**XIX МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ КОНГРЕСС:
«БАНКИ: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ КРИЗИСА»**

Заседание секции 2

***«БАНКОВСКИЕ РИСКИ ПОСЛЕ КРИЗИСА:
УПРАВЛЕНИЕ, РЕГУЛИРОВАНИЕ, НАДЗОР»***

28 мая 2010 года

Санкт-Петербург

ОГЛАВЛЕНИЕ

Правовая база банковского регулирования и надзора: состояние и перспективы развития - Голубев Сергей Александрович - Заместитель Председателя - Директор Юридического департамента, Банк России, Москва	3
Системные риски финансового сектора - когда закончится кризис? - Левковский Александр Анатольевич - Президент, ОАО "Промсвязьбанк", Москва	7
Вопросы международного регулирования и его совершенствование - Лииканен Эрки - Управляющий, Банк Финляндии, Хельсинки	9
Регулирование банковских рисков: отдельные аспекты - Симановский Алексей Юрьевич - Директор Департамента банковского регулирования и надзора, Банк России, Москва	11
Основные направления совершенствования инспекционной деятельности - Сафронов Владимир Алексеевич - Руководитель Главной инспекции кредитных организаций, Банк России, Москва.	15
Измерение и оценка риска дефолта корпорации - Стюарт Чарльз - Старший директор, Компания "Мудиз Аналитикс", Лондон.	18
Применение RiskCalc™ в России: точное и эффективное измерение риска дефолта корпорации- Калентеридис Андреас - Советник директора, Компания "Мудиз Аналитикс", Лондон	20
Перспективы внедрения Базеля II и развитие системы управления рисками в кредитных организациях - Чистюхин Владимир Викторович - Заместитель директора Департамента банковского регулирования и надзора, Банк России, Москва	21
Размышления о банках, кризисе, рисках, регулировании и надзоре - Приземанн Йоханнес - Старший советник, Европейский Центральный банк, Франкфурт.	24
Управление рисками, проблемная задолженность и качество активов - О'Брайен Тимоти - Глава представительства в России, Добровольческий корпус по оказанию финансовых услуг, Москва	27
Стресс-тестирование, как инструмент анализа на макро и микро уровне - Ковригин Михаил Анатольевич - Заместитель директора Департамента банковского регулирования и надзора, Банк России, Москва	28
Управление рисками: нужны ли новые стандарты и качество - Туинстра Фердинанд - Старший советник по банковской деятельности, Международная Финансовая Корпорация	32
Снижение кредитного риска и вопросы совершенствования нормативного регулирования потребительского кредитования и залогового законодательства - Джикович Владимир Великович - Президент, Ассоциация банков Северо-Запада, Санкт-Петербург	33
Вопросы финансового оздоровления кредитных организаций - Амирьянц Рубен Владимирович - Заместитель директора Департамента лицензирования деятельности и финансового оздоровления кредитных организаций, Банк России, Москва	35
Финансовая отчетность "глазами менеджмента" в условиях экономической нестабильности - Милешкина Наталия Александровна - Партнер, Компания "ПрайсвотерхаусКуперс", Москва	37
Организация надзора за банковскими группами и банковскими холдингами: состояние, проблемы, перспективы развития - Королева Елена Владимировна - Заместитель директора - начальник Управления Департамента банковского регулирования и надзора, Банк России, Москва	40
Практические аспекты повышения эффективности внутреннего контроля в российских банках - Братановский Алексей Дмитриевич - Менеджер, Компания "Эрнст энд Янг", Москва	44
Комплексные решения по структуризации и управлению непрофильными банковскими активами. Практика и рекомендации - Артемьев Александр Борисович - Директор, Компания "БДО", Москва	47
Платежные услуги. Регулирование в ЕС и законодательные инициативы в России - Жадобин Алексей Владимирович - Председатель правления, ООО "Расчетный центр Финансового Дома", Санкт-Петербург	49
Оценка бизнеса заемщика как элемент управления кредитным риском - Корниенко Михаил Алексеевич - Руководитель проектов Департамента оценки бизнеса и нематериальных активов, Консалтинговая группа "НЭО Центр", Москва	52
Интегрированное управление рисками - подход IBM - Сургунд Роман Александрович - Руководитель направления по продаже решений в финансовом секторе, Компания "IBM"	53

ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИИ № 2:
«БАНКОВСКИЕ РИСКИ ПОСЛЕ КРИЗИСА:
УПРАВЛЕНИЕ, РЕГУЛИРОВАНИЕ, НАДЗОР»

28 мая 2010 года

Сопредседатели: Симановский Алексей Юрьевич - Директор Департамента банковского регулирования и надзора, Банк России, Москва
Левковский Александр Анатольевич - Президент, ОАО "Промсвязьбанк", Москва
Лииканен Эрки - Управляющий, Банк Финляндии, Хельсинки
Медведев Павел Алексеевич - Депутат Государственной Думы РФ, член Комитета по финансовому рынку, член Национального банковского совета, Москва
Мурычев Александр Васильевич - Исполнительный вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей, Председатель Совета Ассоциации региональных банков России (Ассоциация "Россия"), Москва
Сафронов Владимир Алексеевич - Руководитель Главной инспекции кредитных организаций, Банк России, Москва

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Доброе утро, уважаемые коллеги!

Надеюсь, что все выпалились, отдохнули и готовы к обсуждению непростых вопросов, которым посвящена наша секция, - это проблемы управления рисками, регулирование рисков и всего того, что к этому существенному вопросу относится.

Я полагаю, что не надо представлять всех сопредседателей, они вам известны. Кроме того, в материалах, которые вы имеете, есть подробное описание кто, чем занимается и какой вклад может внести в работу нашей секции.

Организаторы выделили достаточно большое время для проведения секции, тем не менее, если каждый выступающий уложится в 10 минут, то у нас будет время для того, чтобы ответить на вопросы и дискутировать, если будет такое желание. Если выступающие будут перебирать свой лимит, то, к сожалению, возможности для дискуссий и ответов на вопросы не будет, и тогда мы не сможем считать секцию, проведенной на высоком идейно-политическом уровне.

Исходя из этого, я обращаюсь ко всем выступающим (у нас 21 выступающий по повестке дня) строго выдерживать лимит.

Мы попросили открыть нашу секцию Голубева Сергея Александровича – заместителя Председателя Банка России, директора Юридического департамента и выступить с докладом на тему –

«Правовая база банковского регулирования и надзора: состояние и перспективы развития».

ГОЛУБЕВ С.А.

Мы будем помнить слова Томаса Джефферсона, который говорил, что свобода общества – это свобода прессы.

Я достаточно быстро скажу о правовой базе банковского регулирования и надзора. Мы помним, что находимся в условиях кризиса, который то ли кончился, то ли нет, его последствия еще некоторым образом сказываются. Поэтому все наше регулирование было направлено на то, чтобы в условиях кризиса сохранить те методы регулирования (и сейчас эти методы продолжают действовать) и развивать с тем, чтобы банковская система была достаточно стабильна.

Я назову те законодательные акты, которые у нас были приняты в последнее время. Вы помните закон о поддержке финансовой системы, в него были внесены дополнения и изменения, в соответствии с которыми Внешэкономбанк получил право предоставлять до 31 декабря 2010 года включительно российским кредитным организациям, ранее уже получившим субординированные кредиты, новые кредиты без обеспечения на срок до 31 декабря 2020 года. В этой проблеме всегда важны сроки, потому что сроки – это некий элемент стабильности и стабилизации. Поэтому эти сроки, которые вновь внесены в закон, достаточно важны.

Закон о дополнительных мерах по поддержке финансовой системы. В статью 3 тоже внесли изменения. Речь идет об оживлении межбанковского рынка, о том, что действие механизма компенсации Банком России ущерба кредитным организациям, а вы помните, наверное, что у нас более 400 банков охвачены крупными банками с тем, чтобы оживить межбанковский рынок, продлили этот срок до 31 декабря 2010 года. Это мера, которая до сегодняшнего дня никаких убытков для Центрального банка не создала и, думаю, что не создаст.

Далее, в ходе изменения данного закона установили возможность продления срока пользования кредитом в иностранной валюте для погашения и обслуживания кредитов, полученных до 25 сентября 2008 года от иностранных организаций. Существует возможность продления срока.

Законодательно установлено право Банка России (Федеральный закон № 193-ФЗ) принимать в отношении некоторых банков решения, аналогичные решениям, которые были предусмотрены статьей 3 Федерального закона № 175-ФЗ. Механизм помощи Агентства по страхованию вкладов (АСВ) был распространен на те банки, которым уже оказали помощь, но еще без участия АСВ. У нас Центральный банк вправе не применять к этим банкам предусмотренную статьей 74 Федерального закона «О Центральном банке» меры, не вводить запрет на привлечение во вклады денежных средств физических лиц и открытие банковских счетов, не отзываться лицензию на осуществление банковских операций, предоставить отсрочку по внесению суммы недовнесенных обязательных резервов.

Далее, Закон «О страховании». Вы тоже, наверное, знаете, что в него внесены конкретные изменения. Например, до 31 декабря 2010 года приостановлено действие норм, устанавливающих ряд критериев несоответствия банка требованиям к участию в системе страхования вкладов. Это в основном касается проблемы снижения доходности банков. Но, тем не менее, вы должны помнить, что в Законе «О страховании вкладов» не приостанавливается норма, которая дает право Банку России направить банку требования о предоставлении ходатайства о прекращении работы со вкладами. То есть у нас остается право в любой момент применить соответствующие меры. Сохранены возможности по регулированию и по реагированию на негативные конкретные ситуации в кредитных организациях.

К группе антикризисных законов, которые были приняты в 2009 году, необходимо отнести Закон «О внесении изменений в статью 4 Закона «О страховании вкладов», в рамках которого предусмотрено продление на 1 год срока действия полномочий Банка России по введению, при определенных обстоятельствах, ограничения на величину процентной ставки в договорах банковского вклада. Данная норма продолжает действовать и это тоже совершенно правильно.

Заслуживает внимания еще один закон, который был принят не так давно – это изменения в статью 29 Закона «О банках и банковской деятельности», который касается невозможности изменения в одностороннем порядке существенных условий кредитных договоров. Вы знаете, наверное, эту проблему. В данном случае закон установил, что запрещено менять срок, процентную ставку, устанавливать комиссионное вознаграждение и так далее. Когда устанавливали ограничительный блок, примерно эти 4 позиции, уже тогда говорили, что наши банки настолько творчески подходят к любому закону, что что-

нибудь введут и сделают с тем, чтобы получить прибыль. Мы уже имеем массу обращений клиентов, в том числе банков. Речь идет об увеличении или установлении банком комиссионного вознаграждения за операцию пополнения вклада. Многие банки это придумали и начинают развивать эту теорию. Я думаю, что мы вместе с надзорным блоком выработаем соответствующую позицию, и будет понятно, что если за расчетно-кассовое обслуживание тарифы банка будут неотъемлемой частью в договоре, то увеличение или установление банком комиссионного вознаграждения в данном случае, конечно, будет считаться нарушением закона. Но, повторяю, эта позиция еще в работе. Тем не менее, вы помните, какое значение придал этим изменениям Президент Российской Федерации, говоря о защите вкладчиков. Поэтому я думаю, что мы будем исходить из подобных критериев. Но, тем не менее, повторяю, меняются ставки, и банки начинают творчески думать о своей прибыли. В этом нет ничего плохого, если не нарушаешь закон, то это нормально. Как это расценить? Надо найти ту самую лазейку, позволяющую не нарушить закон.

О некоторых проектах, которые сейчас находятся в Государственной Думе, прямо или косвенно затрагивающих банковскую сферу.

Прежде всего, в Государственной Думе находится на рассмотрении закон о страховании вкладов. Там речь идет о том, чтобы распространить защиту, предоставляемую системой страхования вкладов, на средства, находящиеся на банковских счетах индивидуальных предпринимателей, адвокатов, нотариусов и иных физических лиц. В прессе уже сказали, что я поддерживаю этот проект, а закон еще не принят, поэтому не знаю, что сказать в данном случае. Поддерживаем? Поддерживаем. Сошлюсь на Мурычева.

Еще есть новый законопроект тоже о страховании вкладов, он тоже находится в стадии разработки и межведомственного согласования. Может быть, к началу следующего кризиса мы его примем. Речь идет о недобросовестных клиентах банка – о дроблении вкладов. Когда наступает возмещение 700 тысяч, вкладчики начинают дробить вклады. Поэтому у нас есть предложение для защиты интересов добросовестных вкладчиков: будет норма, что не подлежат включению в Реестр обязательства искусственно сформированные вкладчиками, особенно возникшие в период, когда банк не исполнял поручение клиентов. То есть мы отсечем некий временной лаг, еще хорошо бы установить за совершение данных операций уголовную ответственность, поскольку это в чистом виде мошенничество.

В последнее время очень много проблем с банковской тайной. Казалось, что все улеглось, но поскольку были внесены поправки в закон о милиции, которые лишили органы внутренних дел права проводить самостоятельные проверки, внесены изменения в налоговый кодекс, теперь органы внутренних дел могут проводить проверки только с налоговыми органами совместно и получать соответствующую информацию.

Также всегда была проблема – это справки: справка по счету, справка по вкладу, справка об операции. Объем этой справки никем не определен. Вечные проблемы у правоохранительных органов с кредитными организациями. Павел Алексеевич, может быть, мы определим объем этой справки?

МЕДВЕДЕВ П.А.

Сделали. Не получилось.

ГОЛУБЕВ С.А.

Мы сделаем объем этой справки, чтобы не было претензий к кредитным организациям, поскольку в моем понимании справка по счету – это приход, расход, остаток, даты. Милиция требует расширенной формы, документы дня и так далее. Это вечная проблема и не всегда банки выходят из этой проблемы победителем. Со стороны правоохранительных органов достаточно большое давление.

У нас есть проблема – рассмотрение дела о банкротстве по конкретным банкам. Само решение о банкротстве должно приниматься по иску Банка России в течение двух месяцев (так написано в законе). А дальнейший процесс банкротства достаточно длительный. И у нас судебный процесс - целый год мы ждем решения о банкротстве. Суд назначил экспертизу. Мы не против проведения экспертизы (это право суда), мы против того, чтобы суд давал экономическую оценку нашей деятельности или деятельности кредитных организаций. У нас уже были аналогичные решения, и суды достаточно высокого уровня говорили, что это неправильно – подменять Банк России.

Я думал, что эта позиция достаточно устойчивая, а оказалось, что нет. Назначили экономическую экспертизу, поручили ее криминалистам МВД. До сих пор тянется этот процесс целый год. Конкурсная масса катастрофически тает. При этом надо отметить, что банк сам признавал, что имеет признаки банкротства по одному из оснований, то есть он не исполнял денежных обязательств. Тем не менее, мы стоим в тупике до сих пор.

Далее, вдруг возникла проблема с актами проверок. Она возникла не только для нас, но и для всех надзорных органов. То есть одним из решений, нам сказали сейчас, что акт проверки, промежуточный акт, составлять нельзя, поскольку этот акт имеет признаки ненормативного правового акта, что является совершенно абсурдным. И причем вся устоявшаяся судебная практика говорит, что акт проверки – это не нормативный правовой акт индивидуального свойства, это документ, который отражает то, что объективно было обработано в этом банке, что фактически там имеется, в этом банке. И еще неизвестно, будут ли результаты и меры приняты после того, как надзорный блок рассмотрит этот акт. То есть еще мы не нарушаем ничьих прав и обязанностей, тем не менее, нас в этом обвинили. Есть у нас такой процесс, достаточно неприятный, но мы, я думаю, преодолеем эту ситуацию, не первый раз.

В заключение хочу сказать, что по состоянию на 1 февраля 2010 года действуют нормативные акты: 211 положений, 58 инструкций, 533 указания, 204 письма долгосрочных, итого 1006 нормативных актов. Так что изучать их всем надо очень долго. Как говорят, инструкция – это такой документ, который читают только тогда, когда читать уже совершенно нечего, или тогда, когда все нарушено. Так что спасибо за внимание, я думаю, вы обсудите проблемы остальные уже без меня.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Поскольку Сергей Александрович является сопредседателем другой секции и вынужден будет сейчас покинуть нашу секцию, то я, если Сергей Александрович не против, позволю один вопрос задать с тем, чтобы можно было сейчас на него ответить.

ИЗ ЗАЛА

Закон «О персональных данных». Вы вписали сейчас в этот закон, в проект, Центральный банк? У вас в плане работы стояло, что вас надо включить в этот закон. В каком он состоянии?

ГОЛУБЕВ С.А.

В тяжелом.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Слово предоставляется Левковскому Александру Анатольевичу, Президенту ОАО «Промсвязьбанк». Тема выступления: *«Системные риски финансового сектора – когда закончится кризис?»*

ЛЕВКОВСКИЙ А.А.

Доброе утро, уважаемые коллеги!

В названии презентации выведен вопрос: когда закончится кризис? Я на него отвечаю прямо на первом же слайде. Мое мнение заключается в том, что то, что мы раньше называли кризисом, уже долго не закончится и, может быть, никогда не закончится. Потому что, то, что с нами в 2008 году случилось – огромное счастье и удача, что случилось так поздно. В принципе, это должно было случиться гораздо раньше, и лучше было бы, если бы это случилось раньше. Мы бы не успели надуть все пузыри, которые у нас надулись до таких размеров. А сдуваться это все будет еще достаточно долго, и, может быть, даже до конца не сдуется, опять что-нибудь лопнет.

Тем, кто сидит на дальних рядах, я скажу, что просроченная задолженность у нас пока еще не сокращается, она перестала резко расти, но в целом мы можем наблюдать некую стагнацию этого показателя.

Еще хочу обратить внимание на то, что средний срок абсорбирования плохих долгов составляет 4 года, поэтому, по моему мнению, с учетом того, что по всем показателям российская экономика в сравнении со странами БРИК, показывает самые худшие показатели, то есть, например:

- инвестиции в минусе только у нас,
- рост ВВП самый низкий у нас,
- дефицит бюджета самый приличный у нас,
- рост кредитного портфеля самый незначительный тоже у нас.

Исходя из этого, мы предполагаем, что и абсорбирование тех проблем, которые есть, тоже будет у нас не самым быстрым.

Надо сказать, что все риски, которые вызвали кризис 2008 и 2009 года, как были, так и остаются. То есть, если у нас нефть пойдет вниз, то в принципе это опять вызовет резкое закрытие и выход спекулятивного капитала и падение всего.

Более того, некий дежавю у нас был совсем недавно между майскими праздниками. Так что в принципе оно остановилось на каком-то уровне, а могло не остановиться.

Немного скажу о ключевых рисках банковской системы на сегодняшний момент.

Главная мысль заключается в следующем, что в кризис хороших клиентов стало резко меньше и их пока не становится больше. В результате мы наблюдаем процесс очень высокой конкуренции за оставшихся хороших клиентов. В принципе, это ведет к тому, что процентная маржа стремительно падает куда-то в нулевые величины, и, вполне возможно, что на какой-то точке перегиба, когда будет возможен в связи с какими-то инфляционными процессами обратный процесс роста ставок, какие-то банки могут схватить и отрицательную доходность, отрицательную маржу, что вполне вероятно, по нашему мнению.

Хочу отметить, что те меры, которыми государство стабилизировало ситуацию, носили в основном точечный характер ручного управления, и они не были достаточно системными. Кроме того, носили явную социальную направленность, что, может быть, очень хорошо для политической стабильности, но для выздоровления экономики вряд ли такая политика может иметь успех.

Я уже на некоторых конференциях говорил то же самое, что у нас есть два пути. Есть первый вариант, который связан с возвратом к старому, то есть ожидание внешнего роста цен на сырье, расчет на внешние рынки капитала, самостоятельное рассасывание плохих долгов, несистемные меры регулирования и поддержка в основном государственных банков.

Есть второй вариант стимулирования структурного развития экономики в целом и банковского сектора, в частности:

- участие государства в решении проблемы «плохих» долгов;
- создание внутреннего рынка долгосрочных пассивов;
- сбалансированный подход к регулированию;
- участие всех заинтересованных сторон в формировании новой системы регулирования.

В зависимости от того, какой из вариантов будет выбран, будет зависеть то, как долго состояние, в котором мы сейчас находимся, продлится, и повторится или нет у нас та ситуация, которая у нас была в прошлом и позапрошлом году.

Хочу отдельно остановиться на банковском регулировании и контроле рисков в текущей ситуации. Хотел бы сказать, что часть предложений Базельского комитета по банковскому надзору, безусловно, являются приемлемыми, например, подход к оценке риска ликвидности и переход на метод ожидаемых потерь при резервировании, одновременно полный переход банковской системы России на эти принципы, изложенные в рекомендациях комитета, является преждевременным и требующим дальнейшего обсуждения, детальной проработки, адаптации и тому подобного.

Кроме всего прочего, имеются сложности в координации действий различных органов надзора, в частности, то, что нас конкретно беспокоит – Центрального банка и Федеральной налоговой службы, их отношение к формированию резервов, отправление в регулярном режиме капиталов в запас сверх регулятивного минимума, а также ограничение надзорными органами выплаты дивидендов, имеет ограничения в российских текущих условиях и может рассматриваться как ущемление прав инвесторов и акционеров.

В настоящее время существует негативное давление на прибыль банков. Конкуренция ограничивается высокой долей государства в капитале системы, и акционеры, прежде всего частных банков, уже понесли существенные убытки. Предложенные изменения в значительной степени не позволят акционерам банков при нормализации ситуации компенсировать понесенные ими потери. Также консервация дополнительного капитала сверх регулятивного минимума, который в России и так превышает требования Базеля-2 (11 % по сравнению с 8 %), приведет к ухудшению показателей рентабельности капитала российских банков, которая является одним из ключевых показателей эффективности, анализируемых инвесторами.

Соответственно, предложение такое, чтобы вместо скачкообразного перехода к рассматриваемым в настоящее время принципам, то, что можно назвать «Базель-3», есть предложение все же сначала полностью перейти на «Базель-2», что означает именно ориентирование на международные стандарты финансовой отчетности, и, самое главное – это формирование резервов не по РСБУ для определения нормативов, как мы сейчас делаем, а по МСФО. Я думаю, что от этого уже будет ощутимый эффект в прозрачности финансовой системы и, как результат, в ее стабильности.

Еще раз хочется сказать о том, что, на наш взгляд, достаточно глупо уговаривать банки кредитовать, потому что, в принципе, основная задача любого банка как раз в этом и заключается. В принципе, люди для того и собрались делать бизнес, чтобы кредитовать. Поэтому, просто основываясь на разумной политике риск-менеджмента, это нормальное явление, просто надо дать возможность банкам заниматься кредитованием. По нашему мнению, до тех пор, пока не будет достаточного количества хороших заемщиков, и груз старых проблем не позволит нам двинуться вперед, никакие административные меры кредитование не увеличат.

Мы считаем, что очень важно поступательно менять систему регулирования и учитывать российскую специфику и состояние интересов российских акционеров банков. И мы считаем, что административное стимулирование, не подкрепленное системными преобразованиями, в этой связи не поможет.

Вот, собственно, и все. Спасибо большое.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Употреблялся термин «Базель-3». Действительно, он встречается сейчас даже в различных международных бумагах, в бумагах зарубежных коллег, специалистов. Но я не знаю, что такое «Базель-3». Это чисто условное название. Все-таки есть «Базель-2», и понятно, что это такое, поэтому «Базель-3» объявляем условно. А предложения двадцатки, конечно, есть. Просто я думаю, что, если так дальше пойдет, то у нас будет «Базель-5», «Базель-10», и все запутаемся окончательно.

И второй, тоже технический момент. Все-таки «Базель-2» не устанавливает жесткого в этом смысле норматива, там все иначе считается. Поэтому говорить о том, что наш установленный норматив 10 или 11 % выше требований «Базеля-2», некорректно. Я прошу прощения, но надо это иметь в виду.

Следующее небольшое изменение программы. Я обратился с просьбой к господину Лииканену – Управляющему Банком Финляндии – сказать несколько слов о тех проблемах международного регулирования, и его совершенствования, которые чрезвычайно актуальны на сегодняшний день, в частности, они в докладе господина Левковского были затронуты. И господин Лииканен любезно согласился, и мы его просим сделать презентацию на эту тему.

Пожалуйста.

ЛИИКАНЕН ЭРККИ

Доброе утро!

Я буду говорить по-английски, если позволите.

Я – управляющий Банка Финляндии, но также член Европейского Банковского совета, так что наша дискуссия будет проходить на европейском уровне.

Вопросы регулятивных изменений уже были затронуты. Я хочу обратиться к тем переменам, которые уже произошли или произойдут. Они связаны с проблемами, о которых мы узнаем из кризиса. Во-первых, мы не смогли увидеть системные риски, а что это значит? Регуляторы фокусировались на индивидуальных банках и их проблемах, но не фокусировались на системе банков. Поэтому случилось так, что даже относительно маленький банк, который был очень тесно связан со всем, мог упасть ниже многих других банков.

В этой связи, как надо сфокусироваться на системных рисках? Уже все согласились, что одинаково важно смотреть как на отдельные деревья, так и на лес в целом, анализировать лес. Нужно лучше анализировать лес. Единичные банки будут играть более крупную роль. Сейчас это большой вопрос в США, в Европе тоже начинают понимать, что будет проходить в Евросоюзе. Сейчас в Европарламенте есть предложения по регулированию, это будет создание Европейского совета по системным рискам, который будет отвечать за такие виды системных рисков.

Совет по системным рискам будет состоять из всех управляющих Центральными банками стран ЕС, поэтому я тоже буду его членом. Затем финансовые банковские надзорные организации тоже будут членами Совета, они не будут иметь право голоса, но будут участвовать. Если все пройдет хорошо, то эта работа

начнется в следующем году. Это означает, что на практике обмен информацией между надзорными органами и Центральными банками будет функционировать, когда Совет по системным рискам Европы увидит, что эта проблема больше, чем размер одной страны, они смогут выносить предупреждения или ремарки, а затем надзорные органы будут действовать в соответствии со своей компетенцией.

Насколько большой будет сфера их обязанностей, еще обсуждается, но объем системных рисков будет касаться, несомненно, всей Европы. Это вопрос номер один.

Вторая вещь, которую мы узнали из кризиса, это то, что слишком часто приходилось платить налогоплательщикам. Банки были слишком слабые, у них было слишком мало капитала, мало хорошего капитала и не было ликвидности. А ликвидность и капитал – это близнецы. Если у вас нет ликвидности, то есть риск, что и капитал вы потеряете.

Здесь Базельский комитет сделал два предложения в двух направлениях. Во-первых, банкам будет нужно больше капитала, это должен быть лучший капитал в будущем для того, чтобы выдерживать бури без денег налогоплательщиков. Я думаю, что это произойдет. На это потребуется время. Я еще скажу о проблеме сроков, но для банков будут требования относительно лучшей структуры капитала в целом.

Вторая задача. Еще 3 года назад мы говорили, что везде имеется избыток ликвидности, и вот в один день это все прекратилось. Банкам понадобится больше ликвидности, то есть тех активов, которые ликвидны. Если они попадут в кризис, то им придется продавать активы, так, чтобы быстро получить за них деньги. Здесь тоже необходимы изменения. Больше капитала и больше ликвидности банков. Я думаю, что это понятно, что это то направление, в котором мы будем двигаться. Это второе изменение. Сейчас идут консультации по базельским предложениям, даются ответы, мы тоже в этом участвуем. Сейчас осуществляется оценка влияния всех этих предложений, какое будет их влияние на банки, и калибр применения также обсуждается. Я еще вернусь к этому.

Третья вещь, которую мы узнали из этого кризиса – это то, что во многих банках система стимулирования банков вела к избыточному принятию рисков, в разных странах это имело место. Что это значит? На практике бонусы платились тогда, когда подписывались кредитные договоры. Иногда эти кредиты никогда не возвращались, но бонусы-то уже выплачены. То есть вы распределяете виртуальные прибыли, но убытки оставляете для налогоплательщиков. Это совершенное безумие. Есть широкое международное понимание того, что эту систему стимулирования необходимо изменить, она должна быть привязана не к краткосрочной виртуальной прибыли, а к долгосрочной прибыли и стабильности банка.

Как это работает на практике? В Финляндии мы уже дали рекомендации банкам. Если все равно они будут применять такие меры мотивации, которые будут стимулировать принятие излишних рисков, то наши надзорные органы примут меры относительно их капитала. То есть, это тоже меняется в ходе кризиса.

Четвертый вопрос непростой – это вопросы банковского регулирования и бухгалтерского учета. Проблема в банковской системе такая, что во время рецессии большие убытки становятся меньше, в хорошие годы убытков меньше, а способности реализовать выше. То есть эти подъемы и спады будут ускоряться у банков, и это неправильно. Мы должны быть в состоянии изменить это. Это излишние затраты в банковской системе, и окончательное решение остается открытым. Мы должны переходить от системы внезапно случающихся потерь к системе планируемых потерь. То есть большое количество потерь должно быть ожидаемым. И, в соответствии со средними данными, мы должны это предвидеть. И это означает, что мы должны проводить исследования и, таким образом, стабилизировать эту ситуацию. Очень важно найти решение, чтобы преодолеть эту проблему. Должно ли это основываться на каких-то правилах? Всегда лучше, когда это основывается на правилах, а не на существующих потерях. И одни и те же правила должны применяться ко всем, некоторые правила должны быть практическими.

Я боюсь, что я уже перебираю лимит времени. У нас есть достаточно сильные банки. Тем не менее, сейчас экономика находится в таком хрупком состоянии выздоровления, и мы должны тщательно смотреть на те оценки, которые мы делаем. И если мы сейчас находимся в хрупком состоянии выздоровления, мы должны улучшить нашу систему существенно. Если мы не сделаем этого, то мы не извлечем никаких уроков. И, по моему мнению, мы не должны отказываться от своих принципов, мы должны очень тщательно смотреть, как мы проводим калибровку и как мы воспринимаем реформы.

Спасибо большое.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Уважаемые коллеги!

Я после выступления Александра Анатольевича не предоставил возможность задать вопросы. Если сейчас есть вопросы к господину Левковскому или господину Лииканену, то я предлагаю их задать, имея в виду, что отвечать будем в конце сессии.

СОПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Слово предоставляется Алексею Юрьевичу Симановскому – члену Совета директоров, директору Департамента банковского регулирования и надзора, Банк России.

Тема выступления: *«Регулирование банковских рисков: отдельные аспекты».*

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Добрый день, уважаемые участники!

Позвольте мне поприветствовать вас и попытаться изложить несколько мыслей на очень широкую тему, связанную с регулированием и теми проблемами, которые есть в этой области, и теми подходами, которые могут помочь решить хотя бы часть этих проблем.

Я попытаюсь остановиться на двух основных аспектах – наш внутренний, отечественный аспект, и хотел бы затронуть отчасти аспект международного регулирования, имея в виду, что касательно перспектив отечественного регулирования, мне кажется, что тут все более-менее ясно или нам кажется, что здесь все более-менее ясно.

Что касается международной, глобальной сферы, тот тут гораздо менее ясно хотя бы на том основании, что предложения в международном контексте гораздо более глобальные, более серьезные. И сразу хочу предупредить, что то, что я говорю, это экспертное мнение, это не мнение Банка России или Департамента банковского регулирования и надзора. И когда я буду в процессе выступления критиковать, я говорю об отдельно взятых банках, а в целом наш «банковский коллектив», безусловно, «здоровый».

Я бы хотел адресоваться к дискуссии относительно недавно происшедшей между сторонниками и противниками регулирования. Есть мнение, что регулирование не работает и банки, да и не только банки, всегда находят способ уйти от регулирования, сколь бы жестким оно не было. Более того, чем жестче регулирование, тем с большим творческим рвением банки пытаются обойти это саморегулирование, вплоть до того, что уходят из банковской деятельности в другую деятельность, благо такие возможности есть. И сторонники регулирования говорят о том, что, с другой стороны, если не регулировать рынок, то рынок, не способный к саморегуляции, и это абсолютно очевидная вещь, сам себя регулировать не сможет, значит, надо искать некие равнодействующие, и надо, видимо, пытаться включить какие-то дополнительные механизмы, дополнительные рычаги с тем, чтобы регулирование работало. Но при этом, добавляю от себя и

согласен с теми тезисами, которые здесь уже звучали, регулирование должно быть разумным, оно не должно ставить регулируемый объект на край пропасти. Выбор «быть или не быть» должен быть, конечно, в пользу «быть» или «жить». Речь идет, безусловно, о законопослушных участниках процесса.

Следующий слайд немножко не поместился, и, кстати говоря, я тут вижу даже политическую подоплеку в том, что он не поместился, сейчас скажу почему. Актуальные задачи на фоне кризиса – это совершенствование регулирования управления и надзора, а вот основная задача, которая перед нами политически стоит – это все, что FSB наметил, выполним, и вот там не поместилось, но я озвучу – это решения Базеля в плане надзора. Уже поздно пытаться исправить, я уже все сказал, и все поняли, что здесь все правильно и все политически корректно сказано.

Речь идет о нашей действительности, в чем причины кризиса, не только российского, но и мирового, если говорить о регулятивном аспекте. Есть макроэкономические очень непростые вещи, но если говорить о регулятивном аспекте, то кризис является следствием концентрации рисков, концентрация рисков является следствием их неидентифицированности, и на этом я хочу специально акцентировать ваше внимание, что кризис и в России, и в мире произошел, с точки зрения регулятивного и надзорного аспекта и с точки зрения аспекта управления рисками, из-за того, что риски не были идентифицированы. И на это указывает не только то, что произошел кризис, но и то, что в ряде стран, где риски, которые явились причиной кризиса в мире, были идентифицированы, удалось избежать первой волны кризиса, эти страны избежали кризиса токсичных активов. Я называл уже эти страны, этот список неограничен, по крайней мере, я знаю три страны – Испания, Южная Африка и Ливан. По разным основаниям по-разному они подходили к решению этой задачи, тем не менее, они эти риски идентифицировали, и соответствующих кризисных явлений на том этапе, когда они случились в других странах, где не были идентифицированы риски, эти страны избежали. Таким образом, идентификация рисков сама по себе, оговорюсь, без каких-то дополнительных предложений по регулированию, задачу решала, даже с тем регулятивным инструментарием, который был на тот момент, пусть даже не очень совершенным инструментарием.

Дальше все тоже понятно. Неидентифицированность рисков – это следствие «слепой» веры в светлое завтра. Можно разные варианты избирать и разные причины указывать. Это может быть, и это очень существенная причина, низкая ответственность, недостаточность ответственности кого? Ответственности банкиров, тех лиц, от которых зависело управление рисками, и недостаточная ответственность органов регулирования и надзора. Понятно, почему ответственность была недостаточной, потому что не было и нет на сегодняшний день соответствующего мандата, что отвечаешь за идентификацию рисков, чтоб тебя «волки съели», что называется, несешь ответственность, если ты их не идентифицировал, если они очевидны, а ты их не идентифицировал, если ты их скрыл, они есть, а о том, что они есть, обязаны знать как минимум высшие управленцы в банке, и они их скрывают часто вместе с собственником, а часто и по указанию собственника, и это является причиной того, что риски остаются неидентифицированными. Соответственно, регулятивная система не срабатывает, система управления рисками не срабатывает, и результат мы знаем. И святое желание, но наивное и детское светлого завтра каждый день и завтра лучше, чем сегодня, приводит к тому, что такая возникает расслабленность у всех участников процесса и кажется, что можно строить бесконечно. На самом деле, все хорошее когда-то кончается и циклический характер развития рыночной экономики на это указывает.

Не очень корректно, что «слепая» вера – признак слабоумия, но куда деваться? Правильнее было бы сказать – признак инфантилизма, детской наивности, но с точки зрения сути дела ничего бы не меняло, на самом деле. Существует такое резюме – «Лишь здоровый скептицизм укрепляет организм». На самом деле так, я говорю о необходимости консервативного подхода.

Что должно лежать в основе нашей системы регулирования и надзора? Это акцент на индивидуальные риски. Российский кризис, по крайней мере, меня убедил в том, что именно индивидуальные риски погубили и губят банки. Дело в том, что любой системный риск, а они всегда есть, с точки зрения жизни и смерти банка, реализуется как индивидуальный риск. Все эти благоприятные экономические условия ведут к «заболеванию» банка через индивидуальные риски, через игнорирование потенциальных проблем.

И, соответственно, какой инструментарий может быть предложен? Он в этом плане достаточно логичен, на мой взгляд: если выше идентифицированные риски, то это свидетельствует о том, что качество управления низкое, и оно так и должно оцениваться, как низкое.

Далее, интенсивность надзора должна быть более высокой к таким банкам и соответствующие пруденциальные нормы, то есть коэффициенты риска по оценке активов, требования к уровню капитала, к ликвидности, к резервам на возможные потери должны быть выше по банкам, у которых выше индивидуальные риски. Под индивидуальными рисками я понимаю уровень концентрации рисков и характер сделок, которые указывают на повышенный уровень рисков и так далее.

Следующий слайд – иллюстрация того, какие банки нам не нужны, это банки, которые ведут агрессивную политику, у которых высока концентрация рисков, у которых низкая транспарентность. Все они и те недостатки, которые в данном случае иллюстрируют, очень близки, можно сказать, что это три «брата-акробата». И в этом смысле редко какой-то недостаток идет как самостоятельный, они, как правило, все идут вместе.

В России, как мы знаем, особую остроту всему этому придавало то, что эти три недостатка базировались на том, что банки обслуживали интересы собственников и фактически они на очень прочной платформе при этом стояли.

Вчера на пленарном заседании уважаемый мною Анатолий Геннадьевич Аксаков сказал о том, что проведено соответствующее обследование в рамках Ассоциации региональных банков, что не все собственники плохие. Основная часть собственников хорошая, основная часть собственников понимает, что забота о здоровье банка – это первое и главное, что должно быть у собственника банка. Неважно, что у него есть другой бизнес, но важнее банк и ответственность банка перед населением и экономикой. И это напоминает начало новой игры на повышение в том смысле, что руки прочь от собственников, банки, которые обслуживают собственников, все в основном хороши, а то, что было, кто старое помянет, тому понятно, что сделают. Если бы это было года три назад, я бы, наверное, слушал и думал, что, наверное, концентрация рисков – это в любом случае очень плохо, как быть, наши реалии, культура наша, молодая банковская система, не все еще отлажено. Сейчас, по прошествии кризиса, я не могу даже воспринимать это для собственного внутреннего рассуждения, потому что это похоже на такую дискуссию. Известен с детства слоган: «спички детям не игрушка». Понятно, почему. Но, предположим, кто-то скажет: дети-то у нас разные, есть очень разумные дети, которые очень аккуратно обращаются со спичками, которые ни в коем случае не допустят пожара и так далее, давайте разрешим детям спички. Наверное, общее отношение к этому предложению будет негативным, потому что понятно, «спички детям не игрушка». Кто-то разумный, а кто-то, извиняюсь, - случится пожар, и сгорит разумный и неразумный. В такого рода предложениях примерно то же самое. Не может судьба банка, судьба вкладчиков, кредиторов зависеть от того, как сегодня или завтра поведет себя собственник. Сегодня он разумен, сегодня он может спасти бизнес банка за счет продажи каких-то частей своего бизнеса, а завтра нет, и все. Я не говорю о том, что с сегодня на завтра надо искоренять эту модель банковского бизнеса. Понятно, это требует времени, понятно, это должно быть сбалансировано и взвешено. Но от этой модели банковского бизнеса, безусловно, надо уходить. И это один

из существенных тезисов с точки зрения перспектив развития нашего банковского сектора, повторяю – перспектив. Никто не имеет в виду взять и «вырубить» под корень все, что есть на сегодняшний день. Но эволюционировать, реформировать необходимо.

В продолжение темы, какие банки нам не нужны. Этимологический анализ был проведен, и оказалось что банкрот – это банк-крот, то есть банк нетранспарентный. Можно обманывать, люди могут обманывать, слова обманывать не могут. И в этом случае подтверждение того что, нетранспарентный банк – это банк опасный для окружающих. Кстати говоря, это не только русскоязычный анализ, это и англоязычный анализ. Что такое Failed bank – это «Fat tailed bank», банк, у которого толстый, жирный хвост рисков. И все это мы имели на наших банках, и, кстати, не только на наших, и на международных. Поэтому что надо делать? Непрозрачных – «за хвост и за жабры». Что нужно? «Селекция фауны, мелиорация флоры, вивисекция хвостов» и, в итоге, оздоровление системы.

Я так потихоньку, плавно перехожу к международному аспекту. У меня осталась 1 минута, это мне и было нужно для того, чтобы рассказать вам сейчас все про международные предложения в части регулирования. Весь этот список может быть продолжен, вы видите.

Возникает вопрос: не слишком ли много будет всего вот этого? При том, что в моем представлении, действительно, есть очень важные уроки кризиса, которые должны быть учтены. О двух важнейших я сказал: это идентификация рисков и повышение ответственности. А некоторые, в моем представлении, предложения, связанные с изменением системы регулирования, не вытекают из уроков кризиса, они, как мне кажется, немножко «взятые из космоса», я так сказал бы. Поэтому, безусловно, важно, чтобы эта серьезная масса предложений не придавила тот объект регулирования, который должен жить и развиваться, как всем понятно, и на эту тему необходимо думать серьезно. Я должен сказать, что размышления на эту тему, конечно, идут, и в международном сообществе, и мы, как видите, тоже это дело обсуждаем.

И, наконец, последняя иллюстрация. Речь идет о ситуации, когда важно идентифицировать, что же мы хотим регулировать. В противном случае может получиться ситуация (она здесь немного надуманная), когда известные персонажи из известной сказки занимаются охотой за кем-то (за кем – они не очень хорошо понимают) и в данном случае один из персонажей спрашивает: «Кого мы ловим, Винни?», а Пух отвечает: «Не знаю, Пятачок, но с каждой минутой наши шансы растут».

Важно, чтобы не получилась ситуация, когда вал регулятивных инициатив приводит к тому, что в итоге регуляторы сами пошли по следу Пуха и Пятачка, когда они начинают видеть все больше и больше следов. В итоге выясняется, что это они сами пытались себя поймать. Я должен сказать, что не должно быть так, как на этом рисунке: ворона смотрит и ничего не делает. Подскажи! Тогда если это банкиры, тогда я готов согласиться, но подскажи! Зачем людям тратить силы и время?

Спасибо за внимание.

СОПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Спасибо, Алексей Юрьевич, как всегда, за очень интересное выступление.

Есть вопросы к Алексею Юрьевичу? Пожалуйста.

Голенков П. («Транскредитбанк»)

Это как раз тот банк, который имеет достаточно большого собственника и, может быть, Аксаков про нас и говорил.

Спасибо большое за очень интересное теоретическое выступление. А вот в части улучшения качества регулирования риском концентрации, Алексей Юрьевич, не могли бы вы сказать какие-нибудь

конкретные меры, которые предполагает Центральный банк ввести для улучшения качества регулирования именно этим риском в части внесения в нормативные документы, всякие известные надзорные положения?

Спасибо.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Спасибо за вопрос.

Как договорились, я буду отвечать по завершении сессии.

МАТВЕЙ ЗЫК

Я представляю «Сумитомо Мицуи Рус Банк».

В продолжение темы защиты системы управления рисков от неоправданного обслуживания собственников и концентрации рисков на интересах собственника. Не обсуждается ли сейчас вопрос о преобразовании крупных банков по достижении определенного порога в Открытые Акционерные Общества и введение определенного пакета акций на открытый рынок?

Спасибо.

СОПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Сейчас слово предоставляется Владимиру Алексеевичу Сафронову – руководителю Главной инспекции кредитных организации, Банк России.

Тема выступления *«Основные направления совершенствования инспекционной деятельности»*.

САФРОНОВ В.А.

Добрый день, уважаемые коллеги!

Тема моего сообщения – перспективы и совершенствование инспекционной деятельности, а тема конгресса – это жизнь после кризиса. Счастливая жизнь после кризиса, как минимум, предполагает, что уроки кризиса адекватно восприняты всеми участниками этого кризиса – и банками, и регулятором, то есть определенные изменения в их деятельности. Мое сообщение посвящено достаточно узкой теме и касается поэтапной централизации инспекционной деятельности. Мы считаем, что это направление совершенствования инспекционной деятельности является не единственным (я остановлюсь и на других направлениях), но ключевым.

Советом директоров Банка России в апреле текущего года принято решение о поэтапной централизации инспекционной деятельности. Этому решению предшествовало проведение эксперимента по централизации инспекционной деятельности, который проходил в 10 территориальных учреждениях Банка России Северо-Западного федерального округа. Основной целью этого эксперимента было получение подтверждения возможности функционирования инспекционных подразделений в новой централизованной структуре и получение доказательств более эффективной деятельности инспекционных подразделений в режиме централизации, по сравнению с ранее действовавшей исторически сложившейся децентрализованной системой инспекционной деятельности. То есть сегодня, как вы знаете, инспекционные подразделения в территориальных учреждениях входят в их структуру, подчиняются руководителю Главного управления. В ходе эксперимента эти инспекционные подразделения были выведены из структуры территориальных учреждений и переподчинены главной инспекции, то есть они вошли как внутренние структурные подразделения в состав межрегиональной инспекции. Как вы знаете, в каждом федеральном

округе есть межрегиональная инспекция, которая является частью Главной инспекции, и, таким образом, инспекционные подразделения, которые ранее были составной частью территориальных учреждений, стали Центральным аппаратом. При таком обособлении территориальных учреждений и инспекционных подразделений высказывались опасения, что это может привести к определенной изоляции инспекционных подразделений от надзорных подразделений территориальных учреждений и ухудшению их взаимодействия. Поэтому в ходе эксперимента мы предположили и разработали целый комплекс мер, направленных на улучшение этого взаимодействия.

Во-первых, была поставлена задача разработки риск-ориентированных заданий на проверки, то есть заданий, в которых рабочей группой конкретно указываются основные сферы деятельности, основные риски кредитной организации, основные контрагенты и клиенты. То есть внимание в рабочей группе концентрируется на основных рисках кредитной организации. Уже наработан определенный опыт, разработаны рекомендации, которые направлены в территориальные учреждения Северо-Западного федерального округа для их апробации. И сопоставительный анализ заданий в Северо-Западном федеральном округе за 2008 – 2009 годы показывает, что качество заданий на проверку улучшилось, и это оказало положительное влияние на качество актов инспекционных проверок.

Во-вторых, нами были апробированы подходы к более содержательному планированию проверок за счет их более качественного и детального обоснования. Это привело к существенному снижению инспекционной нагрузки на кредитные организации – соотношение количества проведенных проверок кредитных организаций к количеству действующих кредитных организаций.

На этом слайде снижение инспекционной нагрузки представлено в сопоставлении с другими федеральными округами. Как вы видите, тенденция снижения инспекционной нагрузки прослеживается практически во всех федеральных округах, за исключением Уральского. Это в целом одна из генеральных линий главной инспекции – снижение инспекционной нагрузки на кредитные организации. Но, вместе с тем, вы видите, что в Северо-Западном федеральном округе темпы снижения инспекционной нагрузки наиболее высокие.

В-третьих, было обеспечено внедрение мониторинга хода проверок и оперативное предоставление подразделениям надзора текущей информации о выявленных нарушениях. То есть была предоставлена возможность оценки в ходе проверки текущей ситуации в кредитной организации и оперативное реагирование надзора на выявленные «горящие» ситуации. Это позволило нам сместить акцент на профилактическую деятельность, на профилактику в деятельности надзора.

Положительные результаты апробированных в начале эксперимента процедур мониторинга в Северо-Западном федеральном округе подтолкнули нас к тому, что мы распространили эти подходы на все остальные инспекции. Сначала это касалось банков второго контура, то есть системообразующих банков, а затем письмом 175-Т было распространено на все кредитные организации. При этом я должен отметить, что при прочих равных условиях наибольшая эффективность мониторинга проверок была получена именно в условиях централизации инспекционной деятельности по сравнению с децентрализацией.

Чем мы это объясняем? Мы это объясняем тем, что в режиме централизации повысилось качество, оперативность и ответственность выполнения инспекционными подразделениями задач, которые ставятся центральным аппаратом Банка России. Были унифицированы подходы к исполнению функций инспектирования, так как вопросы качества осуществления этих функций стали контролироваться одним должностным лицом. Речь идет об исполнении рабочими группами в ходе проверок рекомендаций центрального аппарата (следование технологическим картам). То есть эти рекомендации были и раньше (технологические карты), но они не носили обязательный характер для рабочих групп, а в режиме

централизации ситуация изменилась. И в целом взаимоотношения территориальных учреждений и межрегиональной инспекции были выведены на качественно новый уровень.

В-четвертых, в ходе эксперимента нами были отработаны процедуры внутреннего контроля на постпроверочном этапе – это экспресс-анализ результатов проверок, когда результаты проверки оперативно доводились до надзорного органа, что также повысило оперативность деятельности надзорного органа.

И в-пятых, в связи с упрощением процедуры привлечения сотрудников инспекционных подразделений к проверкам у нас появилась возможность перераспределения трудовых ресурсов. У нас резко увеличилось количество смешанных рабочих групп, что позволило исключить конфликт интересов, расширить узкие места, задействовать временно свободных инспекторов.

На следующем слайде представлено, что практически по внеплановым проверкам более чем в два раза увеличился удельный вес смешанных проверок в общем количестве проверок. И также имеет место существенное увеличение смешанных проверок по плановым проверкам. Привлечение инспекторов из других территориальных учреждений повысило объективность проверок, независимость инспекторов и оказало влияние на качество проверок. При этом средние трудозатраты на одну проверку в Северо-Западном федеральном округе снизились со 175 человекоднев (в 2008 году) до 156 человекоднев (в 2009 году), в то время как практически во всех остальных федеральных округах этот показатель вырос.

В результате реализации всего комплекса мер нам удалось добиться, того, что уровень взаимодействия между подразделениями контактного и дистанционного надзоров в ходе эксперимента не только не ухудшился, а, наоборот, улучшился. И это объясняется тем, что обособление инспекционных подразделений на практике привело к более четкой конкретизации сфер ответственности и, как следствие, к повышению требований к уровню их взаимодействия.

Дополнительно отмечу, что фактически эксперимент стал для нас полигоном для отработки новых инспекционных процедур и технологий, которые затем стали применяться как при централизации, так и децентрализации.

Таким образом, поставленные цели эксперимента были достигнуты, и Совет директоров дал положительную оценку результатам эксперимента. И, кроме того, был утвержден следующий график поэтапной централизации.

Для того, чтобы он был более наглядным, этот же график централизации наложен на федеральные округа. С 1 января 2011 года предполагается начать централизацию в Северо-Западном федеральном округе в связи с завершением эксперимента, а также в Сибирском и Дальневосточном округах. С 1 января 2012 года в территориальных учреждениях, расположенных в Центральном и Уральском федеральных округах. С 1 января 2013 года в территориальных учреждениях, расположенных в Южном, Северо-Кавказском и Приморском федеральных округах. И с 1 января 2014 года в Московском территориальном управлении Банка России.

Как я уже сказал, мы, безусловно, считаем централизацию ключевым направлением совершенствования инспекционной деятельности, но не единственным. В числе прочих направлений – расширение взаимодействия с правоохранительными, налоговыми, таможенными органами, ФСФР; дальнейшее развитие института координаторов межрегиональных проверок многофилиальных банков и кредитных организаций, входящих в банковские группы, внедрение и развитие таких инструментов инспектирования, как технологические карты проверок, классификатор нарушений, и оптимизация инспекционной нагрузки за счет отмены проверок по планам территориальных учреждений.

Таким образом, на протяжении ближайших лет нам предстоит большая работа как по созданию принципиально новой вертикально интегрированной системы организации инспекционной деятельности, так и по другим направлениям совершенствования инспекционной деятельности. Спасибо.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Пожалуйста, вопрос.

ИЗ ЗАЛА

Владимир Алексеевич, чем так Уральский федеральный округ провинился? Нагрузка инспекционная выросла, а у всех снижена на 10 с лишним процентов.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

В связи с тем, что Владимир Алексеевич уже должен возвращаться в Москву для целей централизации, мы ему предоставим возможность ответить на этот вопрос.

САФРОНОВ В.А.

Как я уже сказал, инспекционная нагрузка рассчитывается как соотношение проверок к количеству действующих кредитных организаций. При этом в проверки включаются как плановые проверки, так и внеплановые, и составляющая внеплановых проверок зачастую определяется ситуацией в том или ином регионе. В период кризиса ситуация в этом регионе потребовала проведения большего количества внеплановых проверок, что и оказало влияние на этот показатель. Спасибо.

ИЗ ЗАЛА

По поводу взаимодействия с правоохранительными органами, какая здесь правовая база?

САФРОНОВ В.А.

Речь идет не о разглашении информации, полученной в ходе проверок, и, упаси Боже, не о нарушении банковской тайны. Речь идет о получении нами, инспекцией, информации, которую мы используем в ходе проверок. Допустим, мы получаем информацию об утерянных паспортах тех или иных клиентов. Мы получаем информацию об участниках кредитных организаций. И эта информация позволяет нам минимизировать свои издержки, связанные с проведением проверки. Но ни в коем случае речь не идет, естественно, о предоставлении правоохранительным органам без достаточных законных оснований информации, полученной в ходе проверки. Спасибо.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Спасибо. Не мы им, а они нам.

Позвольте предоставить слово господину Стюарту Чарльзу, старшему директору компании «Мудиз Аналитикс», Лондон. Тема: *«Измерение и оценка риска дефолта корпорации»*.

СТЮАРТ Ч.

Доброе утро.

Мы уже много слышали относительно регулирования. В общем смысле, конечно, регулирование – это хорошая вещь, оно дает системную стабильность для всей банковской системы, и, кроме того, стабильность каждого конкретного банка и конкретного вкладчика. И здесь мы часто обращаемся к системе «Базель-2», очень много регулирования связано с этим документом и сюда включены лучшие варианты практики, которые были получены в конце 90-х годов, когда авторы посмотрели, какие банки работают хорошо, и с чем это связано.

Итак, мое сообщение касается того, как установить стандарты хорошей или плохой практики. Банки должны думать о том, как сохранить, защитить своих вкладчиков и сохранить свои прибыли. Поэтому мы говорили об измерении риска дефолта.

Я представляю компанию «Мудиз Аналитикс». Мы помогаем компаниям, мы работаем с банками и помогаем им вырабатывать решения. Также занимаемся программным обеспечением, вчера мы уже говорили об этом и немного сегодня.

Что показывает этот график - за последние 10 лет возможность дефолта государственных компаний Западной Европы. Вы видите один пик в 2002 году и второй пик в 2008 году. Вы также видите, что здесь меняется ожидаемая частота дефолта для западно-европейских стран. Голубым цветом показана медиана и риск увеличивался, начиная с самой лучшей точки, которая была в 2006 году, до почти 300 единиц в 2008 году. Это, конечно, связано с портфелем банка. И в 2008 году риск был самый большой.

24 государственные европейские компании были учтены. Вы видите, каков диапазон риска. Самые лучшие из них имели минимальный риск (2 процента), самые плохие - 6 процентов. Компании в целом имели один и тот же рейтинг.

Что касается портфеля. Осознаете ли вы различные риски? Может быть, некоторые из частей этого портфеля в 300 раз более рискованны, чем другие. Зеленая линия показывает Восточную Европу, голубая линия – Российскую Федерацию в Восточной Европе. Более 500 компаний отслеживаются в России. И в самой нижней точке в декабре 2007 года вы видите, как увеличился риск – это огромный волатильный риск. Может быть, в других компаниях он был выше.

Что можно с этим сделать? Это государственные компании. Другие компании могут быть подвержены еще большему риску. И я хотел бы поделиться: это такой прибор, который используется для навигации, и нужно зафиксировать три точки для того, чтобы обеспечить хорошую навигацию, как известно. И в банках также требуется хорошая навигация для того, чтобы выжить. Что касается банкиров, первое – это понимание макроэкономики, и второе – это анализ рисков.

В 21 веке мы имеем данные, которых мы не имели никогда. У нас есть компьютеры, и это позволяет нам обеспечить количественный анализ на современном уровне. То есть мы начинаем использовать эту информацию наиболее разумным образом, на основе большого количества информации. Итак, вопрос состоит в том, что ни одна организация не имеет стопроцентной информации. Есть ли у вас какие-то пробелы? Конечно, нет ни одного банка, у которого бы не отсутствовали такие пробелы в знаниях. В соответствии с регулирующим документом «Базель-2» эту систему можно улучшить, когда вы начали строить модели, и когда вы понимаете, как работают частные компании, что делать, чтобы они работали лучше. Я передам слово своему коллеге, но я хотел бы сказать, как надо рассматривать частные компании в России.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Позвольте предоставить слово советнику директора компании «Мудиз Аналитикс», Лондон, господину Калентеридису Андреасу. Тема: *«Применение RiskCalc™ в России: точное и эффективное измерение риска дефолта корпорации»*.

КАЛЕНТЕРИДИС А.

Я бы хотел рассказать о регулировании и разумной капитализации. Мы можем применять экономическую схему или регуляторную схему. Очень трудно сказать, каким должен быть капитал в соответствии с тем риском, который вы на себя берете. Это тема, по которой я хотел бы выступить, и мы как раз в компании «Мудиз Аналитикс» занимаемся, в частности, в Российской Федерации вопросами количественной оценки рисков в частных компаниях.

Я хотел бы описать кратко основные черты нашего решения, что нужно от модели, чтобы она была точной, чтобы она помогала рано обнаруживать проблемы. Допустим, если дефолт наступит завтра, мы не можем многое сделать. Модель должна анализировать источники риска, кроме того, должна быть прозрачность в соответствии с законодательством. И что особенного в системе RiskCalc? Мы включаем в эту систему мониторинг рынков по всему миру, и мы приспосабливаем ее в соответствии с конкретными условиями. Мы применяем большое количество аналитики и затем используем стандарты.

Что делает наша программа? Она вычисляет возможность дефолта, то есть вероятность того, что конкретная компания может испытать дефолт в течение года. Прежде всего, надо определить, что такое дефолт. Определение дефолта не такое четкое в мире, то есть не является общепринятым: в российской экономике имеется свое определение, наше определение включает ситуацию, которая приводит к реорганизации или банкротству.

Это не первая модель, которую мы построили. У нас имеется 26 моделей и первая модель была выпущена в 1995 году (это была североамериканская модель), а в этом году мы выпускаем российскую и китайскую модели, а также модель для развивающихся рынков, которые будут закончены осенью этого года. Для этого мы разработали базу данных по глобальным кредитным исследованиям. Мы получили эти данные из местных банков, с которыми мы сотрудничаем. У нас самая большая база данных, которая содержит более 30 миллионов финансовых отчетов, и большое количество случаев дефолтов. Для России у нас имеется примерно 3 миллиона финансовых отчетов по одному миллиону частных компаний и некоторое количество данных о дефолтах.

Что мы делаем с этими данными? Мы за последние почти 20 лет установили 7 различных категорий, которые позволяют определить дефолт, это ликвидность, прибыльность, активность, левверидж, размер и так далее. Мы также используем данные, которые являются специфическими для страны. Для России мы определили следующие показатели, которые являются предикторами дефолта, которые касаются, например, изменения в продажах и так далее.

Это пример того, как выглядит российская система. Мы видим здесь график вероятности дефолта за период от одного до пяти лет. Для этого учитывается работа компаний за последние 5 или 10 лет, риски, связанные с низкой ликвидностью, и другими параметрами.

Как я уже говорил, мы эту модель выпустим в Москве в июне и приглашаем вас использовать ее.

Спасибо.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Будут ли вопросы по данному выступлению? Нет.

Дальше у нас заявлен господин Чистюхин Владимир Викторович, заместитель директора Департамента банковского регулирования и надзора, Банк России, Москва. Тема: *«Перспективы внедрения «Базеля-2» и развитие системы управления рисками в кредитных организациях».*

ЧИСТЮХИН В.В.

Добрый день.

Мы сегодня стоим перед лицом создания новой финансовой архитектуры, в том числе, в сфере банковского регулирования и надзора.

Сегодня мы имеем возможность изучить большое количество документов большой двадцатки, Совета по финансовой стабильности, Базельского комитета по банковскому надзору. Мы все чаще употребляем разные незнакомые нам термины, такие, как «Базель-2,5» или «Базель-3». Но при этом я хотел бы сказать, что не надо забывать, что для России на сегодняшний день именно классический «Базель-2» является не менее актуальным. Это тот документ, который мы предполагаем у себя внедрять. Еще в 2006 году мы издали пресс-релиз о планах его внедрения, и с того момента идет движение в этом направлении. И с 1 июля 2010 года в рамках первого компонента «Базеля-2» мы предполагаем внедрить самые простые опции, а именно, упрощенный стандартизированный подход по кредитному риску и базовый индикативный подход по операционному риску. Это первый шаг, который позволяет нам говорить, что с июля 2010 года мы начали практическое внедрение первого компонента «Базеля-2».

Но при этом очевидно, что банки, особенно крупные, ждут от нас продвинутых подходов, так называемых IRB-подходов, то есть подходов, основанных на оценке кредитного риска на основании внутренних кредитных рейтингов, внутренних рейтинговых моделей. И очевидно, что для того, чтобы эти подходы реализовались как минимум с банковской стороны, должно быть соответствие тех внутренних систем, которые действуют в кредитных организациях, тем минимальным требованиям, которые выдвигаются «Базелем-2» для внедрения IRB-моделей.

На сегодняшний день мы имеем счастливую возможность провести анализ в рамках проекта по «Базелю-2», который мы имеем с евросистемой, провести анализ существующих внутренних систем ряда пилотных банков, а ими согласились стать некоторые крупнейшие российские банки, для того, чтобы понять, насколько их внутренние системы соответствуют тем минимальным требованиям «Базеля-2», которые выдвигаются. Надо сказать, что это была очень позитивная работа, она была проведена в двух форматах. Первый формат – это ответ на вопросники, которые мы направляли банкам, и второй формат – это тематические визиты в эти банки, которые проводились на основании анализа их опросников. И, соответственно, в рамках тематических визитов мы пытались получить более глубокую информацию о том, каковы же у них внутренние системы, есть ли у них рейтинговые модели, проводится ли их валидация, проводят ли они стресс-тестирование с точки зрения «Базеля-2», используют ли они use-тест и так далее, и тому подобное. То есть мы пытались выяснить, насколько, действительно, минимальные требования, заложенные в «Базеле-2», нашими банками выполняются.

Очень важно подчеркнуть, что банки были предельно открыты с нами. Это позитивный момент, наверное, он был связан с тем, что по итогам нашей работы никаких надзорных действий не предполагалось, это была всего-навсего консультация. И к чему же мы пришли, что же мы выявили, какие недостатки и слабости мы выявили в наших банках?

Во-первых, в ходе экспертного анализа мы не получили надлежащих свидетельств о наличии системного подхода к обеспечению качества данных. Качество данных является критически важным для

полноценного внедрения IRB-подхода, наверное, таким краеугольным камнем. Многие банки собирают данные в достаточно больших масштабах, но, если посмотреть на базельские требования, то, еще раз повторяю, качество данных, их полнота оставляют большие сомнения.

Далее. Стресс-тестирование, которое осуществляется банками, не ориентировано на цели оценки достаточности капитала, осуществляемые с применением внутрибанковских рейтинговых систем. То есть, они оценивают необходимость в капитале, но, опять-таки, не через те параметры, которые закладывает «Базель-2» с точки зрения IRB-подходов.

Анализ также показал, что процесс валидации в рейтинговых системах, подтверждение, либо не осуществляется, либо находится в стадии планирования. Это уже неплохой результат, то есть ряд банков заявили, что в ближайших планах они будут разрабатывать свои внутренние системы, которые будут направлены на валидацию существующих рейтинговых моделей.

И, наконец, подавляющее число банков не проводили и не планируют проводить так называемый тест на использование. Я бы хотел на тесте на использование остановиться, потому что это одна из важнейших характеристик. Тест на использование – это своего рода доказательство банку органу надзора, что комплекс минимальных IRB требований внедрен во внутрибанковскую систему оценки и управления кредитным риском. При этом до момента подачи официальной заявки, если банк хочет применять IRB-подходы, должно пройти время с момента начала теста на использование не менее, чем три года.

Что же нам доказывает этот тест на использование, что им должно быть подтверждено? Что, во-первых, все рейтинговые модели, что количественные оценки вероятности дефолта и величины потерь используются не только исключительно в целях реализации проекта «Базеля-2», они используются банками в их повседневной деятельности. Они используются:

- для управления рисками,
- для принятия решений, включая решение об установлении лимитов, решений о выдаче или невыдаче кредитов, величине процентных ставок и так далее.

Но, к сожалению, на данном этапе мы такие подтверждения получить не смогли. Практически ни в одном банке результаты рейтингового процесса не играют существенной роли в:

- бизнес-планировании,
- разработке стратегии и развития,
- оценке эффективности деятельности
- принятии всех практических решений, о которых я сказал.

Второе.

Этот тест на использование должен подтвердить, что в банке существует независимое подразделение, которое специализируется на осуществлении функций контроля за уровнем кредитного риска, которое ответственно за внутрибанковские рейтинговые системы. То есть фактически тест на использование – это одна из важнейших характеристик, над которой банкам предстоит в будущем работать.

Но при этом, когда я назвал основные недостатки, я хотел бы сказать об общем недостатке, он касается не только первого компонента, но и второго компонента – это вопрос, связанный с уровнем корпоративного управления. При всех позитивных сдвигах, которые произошли в кредитных организациях за последние несколько лет, надо сказать, что тот уровень корпоративного управления, который в банках существует, еще далек от тех минимальных требований, которые выдвигает «Базель-2» для применения IRB-подходов.

Мы полагаем, что весь наш анализ и обобщение будут опубликованы до конца года в документе о несоответствиях, и банковское сообщество сможет увидеть эти общие выводы, чуть более глубоко понять, в

чем основные проблемы и недостатки, и, надеюсь, появятся дополнительные основания и стимулы для того, чтобы их исправлять.

Очевидно, что это должно быть не теоретическое исправление, а что все банки, которые претендуют на внедрение у себя IRB-подходов, обязаны все эти недостатки исправить. И эти недостатки во многом связаны с системой управления рисками, с системой управления отдельными рисками. В первую очередь, когда мы говорим о первом компоненте, это кредитный риск. И надо понимать, что сейчас у нас очень удобное время, потому что по итогам кризиса банки, независимо от «Базеля-2», работают над своими системами управления рисками, системами внутреннего контроля, они улучшают свое корпоративное управление. И мое глубокое убеждение, что этим моментом надо воспользоваться и те банки, которые думают об IRB-подходах, должны совместить эти два компонента - общее улучшение системы управления рисками и их улучшение в том формате, который будет удовлетворять продвинутым подходам «Базеля-2».

При этом важно отметить, что когда мы вели работу с банками, они фактически поставили перед нами ультиматум, и сказали, что для того, чтобы мы перерабатывали наши внутренние системы, разрабатывали необходимые подходы в рамках внедрения IRB-моделей, нам нужно понимать те сроки, когда Банк России предполагает внедрить «Базель-2», его продвинутые составляющие.

Этот вопрос, как вы понимаете, достаточно непростой, но, тем не менее, мы приняли этот посыл, и я надеюсь, что мы к концу года или к началу следующего года, возможно, тоже опубликуем в виде какого-то документа, может быть, письма Банка России, пресс-релиза наши общие подходы к внедрению продвинутых моделей «Базеля-2». Например, я могу сделать некое теоретическое допущение, что в том случае, если мы продолжим с банками работу в этом направлении, а мы предполагаем с крупнейшими пилотными банками продолжить работу в этом направлении, и они будут готовы теоретически внедрять «Базель-2», а для этого, как это происходило во многих европейских странах, подадут нам неофициальную заявку о том, что они планируют внедрить IRB-подходы, и конкретно, четко, детально опишут свои рейтинговые модели, как они работают, где-то до начала 2012 года или к началу 2012 года, а также если будет внедрен второй компонент «Базеля-2», а без него невозможно внедрять продвинутые подходы, по нашим, я очень аккуратно говорю, предварительным оценкам он может быть внедрен реально в 2013 году, то, наверное, с учетом всей той работы, которая реально с банками начнется с 2012 года, я думаю, к началу 2015 года будут банки, которые могут сказать, что мы применяем у себя IRB-модели, мы применяем у себя IRB-подходы. Но еще раз повторяю, что для того, чтобы выйти на этот результат к 2015 году, работу надо начинать уже сейчас, а, точнее, не прекращать работу с нами, быть активными, перерабатывать свои внутренние модели. Спасибо за внимание.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Спасибо, Владимир Викторович. Пожалуйста, вопросы.

ТАРАСОВ, Сбербанк

Вы фразу интересную сказали насчет того, что тогда в 2015-м появятся банки, которые могут сказать, что они применяют IRB-подход. Наверное, надо было дополнить: IRB-подход, одобренный Банком России, да?

ЧИСТЮХИН В.В.

Я именно это и имел в виду.

ТАРАСОВ, Сбербанк

Понятно.

И еще, если можно, поясните, пожалуйста. Вы про стресс-тестирование говорили, и в качестве недостатков сказали, что банки его применяют в основном для того, чтобы оценивать возможные потери капитала, но не для тестирования IRB-моделей. Но по теории стресс-тестирования, о чем будет говорить господин Ковригин, оно больше к потере капитала относится, или нет?

ЧИСТЮХИН В.В.

Когда я говорил про стресс-тестирование, я хотел сказать одну простую мысль, что банки на сегодняшний день не проводят стресс-тестирование, чтобы оценить, как изменится достаточность капитала в зависимости от изменения своих рейтинговых моделей. Только это я и хотел сказать. Потому что на сегодняшний день те рейтинговые модели, которые используются у банков, фактически не являются статистически-математическими моделями или гибридными моделями, которые используют и качественное суждение, и суждение, основанное на математических моделях. Сегодня те рейтинговые системы, которые имеют кредитные организации – это системы, основанные практически только на качественном суждении. Поэтому говорить о том, что они могут сегодня проводить такого рода стресс-тестирование, было бы неправильно.

ТАРАСОВ, Сбербанк

Но и на количественном тоже...

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Уважаемые коллеги, чтобы в дискуссию это не переходило, с учетом того, что у нас порядок такой, что ответы на вопросы даются по завершении сессии, Владимир Викторович, вы уходите назад или остаетесь с нами?

ЧИСТЮХИН В.В.

Я остаюсь с вами, но, наверное, до перерыва, до кофе-брейка. Но я готов буду неформально обсудить с коллегами все вопросы.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Я тоже хочу сказать, что стресс-тесты разные, в том числе «Базель-2» предполагает специальное стресс-тестирование. Если нет базы данных, то о каком стресс-тестировании в рамках «Базеля-2» идет речь, непонятно. То есть это совершенно другое стресс-тестирование, специальное, специфическое, фокусированное на задачах, которые решает «Базель-2».

Далее в нашей программе господин Приземанн Йоханнес, старший советник Европейского Центрального банка, Франкфурт. Тема: *«Размышления о банках, кризисе, рисках, регулировании и надзоре»*.

ПРИЗЕМАНН Й.

Доброе утро, дамы и господа!

Мне только что сказали об операционном риске 2010 года. С этого очень замечательно начинается мое выступление.

Я в начале хочу поздравить Банк России от моих коллег в ЕЦБ с его 150-летней годовщиной. У нас сейчас 15-я годовщина и это возраст непростой, как вы знаете. Но Европа останется Европой, я так надеюсь, по крайней мере.

Вторая ремарка – точка зрения, выраженная в этой презентации, это мои взгляды. Не обязательно они совпадают со взглядами ЕЦБ.

В-третьих, я хотел бы задать вопрос аудитории: есть ли здесь кто-нибудь, кто знает Sextus Empiricus? Никто не знает. Это важно в терминах управления риском, потому что этот человек написал книгу под названием «Универсальный скептицизм». Я слышал, как господин Симановский говорил, что доля скептицизма хороша для управления рисками. И меня впечатлило название всей этой конференции – «Банки: жизнь после кризиса». Это вдохновило меня на несколько необычный доклад.

Итак, почему я здесь? Я координатор проекта, который Евросистема начала в финском банке, продолжается в Банке России в двух направлениях – банковский аудит и банковский надзор. У нас бюджет три миллиона, и три года будет продолжаться проект.

Уже в прошлом году я представлял этот проект, поэтому я только кратко упомяну его основные задачи: мы хотим усилить ЦБР в области внутреннего аудита и банковского надзора путем горизонтальной передачи знаний. В области внутреннего аудита мы хотим обучить более 400 аудиторов в Москве и регионах путем проведения консультационных визитов для аудиторов в Центральный Банк, семинаров. И в этой связи у нас накоплена очень хорошая практика.

В области банковского надзора вы только что слышали о части плодов нашего сотрудничества. Мы работаем с Центральным банком России по направлению к «Базель-2». Мы обсуждаем политику, проводим консультации по разработке положений о политике, отраслевые контакты и семинары с банками.

Я хотел бы подчеркнуть, что ЦБР определяет графики и соображения. Мы являемся только частью определения этого направления политики.

Теперь мой доклад озаглавлен – замечания о рисках и кризисе. И меня заинтриговало, как я уже сказал, я заглянул в Википедию, посмотреть, что такое кризис. И, что удивительно, в Википедии на четырех языках эти определения, но я взял английский вариант. Кризис – это что-то непредвиденное, он создает неопределенность, воспринимается как угроза для важных целей. А также кризис – это процесс трансформации, когда старая система больше не может существовать. Кроме того, есть определение кризиса – это потребность в изменении.

Другое интересное определение: с одной стороны, это опасность, страх, а с другой стороны, возможность, и я хотел бы это подчеркнуть. Если кризис не является неожиданным, то мы находимся в достаточно выгодной ситуации, хотя в это трудно поверить, это она из ремарок.

Я хотел бы задать некоторые вопросы. Мы уже после кризиса, или кризис – это нечто постоянное? Сегодня утром я как раз подумал об этом определении. Находимся ли мы в состоянии трансформации? Я с удовольствием послушал господина Симановского, он сказал, что у нас это будет не революция, а эволюция. В этой стране люди проходили через кризисы, через трансформации много раз, и я могу только поздравить себя с тем, что у меня есть возможность вести диалог с теми, кто имеет опыт кризисов. Французы говорят, что кризис – это то, чем нельзя управлять, можно его пережить. Но, тем не менее, мы каким-то образом справились с кризисом. Обычно есть какие-то графики, которые показывают, что что-то снижается, потом снова повышается, это одно из значений кризиса. Можете себе представить еще одно

значение кризиса, когда график идет вниз, а потом начинает двигаться по зигзагам, по спиральям, такой метаморфный вариант.

Итак, кризис меняет жизнь всех людей. Господин Лииканен очень хорошо выделил две вещи, которые я упомянул: это международная реакция на кризис, это рекомендации большой двадцатки, FSB – есть такое специальное сокращение в русском языке, и господин Лииканен уже упомянул, что мы стараемся перестроить нашу систему в Европейском совете системных рисков. Кризис для банковской системы и риски банковской системы – это те риски, которым банковская система подвергает всю экономику. И, опять же, возвращаясь к Википедии, что такое риск. Мне нравится немецкое определение, которое я перевел: риск может быть определен как произведение вероятности событий и последствий в терминах отклонения от достижения намеченных целей. Итак, риск не одномерен. Есть и другие измерения за пределами финансового измерения. В терминах риска, например, существует репутационный риск, риск осуществимости, риск для окружающей среды. И другой момент – это то, что риск имеет верхний и нижний размеры. Моя гипотеза состоит в том, что одномерная фокусировка в управлении рисками оставляет остальные измерения неуправляемыми, если мы только думаем о финансовом измерении, я еще к этому вернусь.

Есть несколько вопросов. С точки зрения регулирующих организаций, я думаю, что все в этом зале сказали бы: хочет ли клиент банка нести риски банка? Конечно, все скажут – нет. Но я бы сказал, конечно, да, потому что это только верхняя часть риска, если банк идет вверх.

Что касается конкретного банка, каковы цели банка? Это долгосрочная или краткосрочная прибыльность. Каков конфликт между этими целями – краткосрочными и долгосрочными, как их примирить? Мы можем представить себе, что мы стоим где-то посреди улицы и стараемся иметь более широкий вид. И это данные «Базеля-2».

Общая оценка риска, которая принята в документе «Базель-2». Если мы посмотрим на «Базель-2», мы увидим, что там очень много параграфов и основной фокус – на капитализации. Моя гипотеза состоит в следующем: если банк рассматривает не только капитал, он лучше подготовлен к кризису. Если это так, то регулирующая организация и банк лучше ответят на те вопросы, ответ на которые требуется, и будет сосредоточен не только на финансовом аспекте.

Наши сотрудники участвовали в составлении «Базеля-1» и «Базеля-2». Сейчас есть новый вариант, который можно называть «Базель-2А», здесь также идет оценка рисков, связанная с ликвидностью и таким понятием как заемные средства. И мы очень много думаем о верхних рисках, но мы должны понять, что мы зачастую видим мир таким, каким мы хотели бы его видеть.

Европейское регулирование рассматривает риски для банков в новом, хорошем измерении. Риск имеет больше, чем одно измерение, и «Базель-2» требует общей, всесторонней оценки риска. И мы должны обязательно учитывать больше, чем одно измерение.

Не знаю, сколько времени у меня осталось, но я должен сказать, что это конец моей презентации. Я хотел бы еще раз поздравить Центральный Банк России с юбилеем.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Есть ли вопросы к господину Приземанну? Нет.

Тогда пойдем дальше.

Следующий выступающий у нас Тимоти О'Брайен – глава представительства Добровольческого корпуса по оказанию финансовых услуг в России.

Тема выступления – «Управление рисками, проблемная задолженность и качество активов».

О'БРАЙЕН Т.

Спасибо.

Я хотел бы также поздравить Центральный банк России с юбилеем. Я хотел бы выступить от имени представительства Добровольческого корпуса.

Наша миссия состоит в том, чтобы обеспечивать консалтинг и другие услуги. Мы пользуемся услугами добровольцев, а также частными фондами. В настоящее время мы работаем в России, в области улучшения надзора, прозрачности, управления рисками в финансовом секторе, мы работаем и с другими организациями. Наша программа спонсируется Американским агентством международного развития.

Мое выступление сегодня касается, прежде всего, проблемных кредитов. Потенциальные проблемные кредиты составляют большую проблему для собственников банка и акционеров. В последнюю рецессию этот вопрос был очень существенным, потому что именно проблемные кредиты являлись очень большой трудностью, и в России также эта проблема существует.

Большинство проблемных кредитов связаны с экономическим спадом. Я бы сказал, что проблемные кредиты также связаны с тем, что многие организации придерживались правил, которые были типичны для времени подъема. Но во время экономического спада имеются новые опасности.

Итак, как проблемная задолженность оказывают свое влияние, какие проблемы возникают? Это достаточно большие затраты, которые придется нести банкам. Необходимо повысить доверие акционеров и регулирующих органов. Раннее обнаружение и предвидение таких событий необходимо в стандартной банковской практике. Вы видите на экране стандартные соображения, которые касаются предоставления кредита. Рассматривая эти основные принципы, мы должны стремиться к большей ясности работы банка, обучению нового персонала, менеджеров, кассиров, чтобы они понимали тот риск, которому они подвергаются.

Прогнозы по кэш-флоу. Это одна из самых важных мер и самое важное измерение, которое вы можете произвести. Просчитав кэш-флоу клиента, вы увидите, сможет ли он осуществлять выплаты. Нужно убедиться, что все документы, которые у вас есть, выполняются, как и процедуры. Всегда, когда вы обслуживаете долг, пересматривайте финансовую отчетность, проводите визиты на места, убедитесь, что выполняются требования по кредитам, которые выдали клиенту.

Как вы слышали в презентации «Мудиз», сбор качественных данных – это очень важно для получения информации, чтобы видеть, куда мигрирует проблемный кредит. Стандартный анализ портфеля с исполнительным руководством и менеджером портфеля, где они должны защищать то, что у них в портфеле.

Даже в случае хорошего портфеля, все равно будут проблемные кредиты. Хорошие кредиты могут стать плохими. Это вопрос разных факторов. Проблема менеджеров – отличие между результативностью и эффективностью.

Время играет очень большую роль при работе с проблемными долгами. Нужно разработать какие-то инструменты, чтобы принимать быстрые решения. В целом проблему кредита можно разделить на три категории – реабилитация проблемных займов, ликвидация и отложенная ликвидация. Заемщик сделает все для того, чтобы избежать ликвидации себя или своих активов.

Течение времени – это худший враг банка: теряются альтернативы по облегчению ситуации. Основные определяющие факторы для определения успеха:

- жизнеспособность клиента,

- залог,
- покрытие активов,
- желает ли клиент продолжать работу,
- какова объективность текущей ситуации,
- каково реальное состояние.

Важным фактором является менеджмент, потому что менеджмент – это те люди, которые создали проблему, и им ее исправлять.

Для успешной совместной работы менеджеров по финансам, продажам и работе с клиентами, им может предоставляться поддержка внешних консультантов. Но консультанты могут предложить только временное решение, вы сами должны что-то сделать для того, чтобы выйти из ситуации. Если руководство сотрудничает, и оно способно работать, то следует посмотреть разные позиции, выбрать направления для снижения риска.

На экране простой инструмент, как определить план действий банка. Просто разделяются на разные категории клиенты в зависимости от залога и других факторов. Первый сценарий – это положительная жизнеспособность и покрытие залога. Мы хотим работать с этими заемщиками и план действий банка должен защитить банк, но позволить клиенту решить свою проблему. Если жизнеспособность положительная и клиент еще существует, но залога уже недостаточно, мы все равно хотим продолжать работать с этими клиентами, и мы хотим сохранить текущую инфраструктуру, планы. Также мы хотим увеличить собственное покрытие в виде залога, можно немедленно это сделать или через какое-то время.

Третий сценарий - это когда жизнеспособность клиента сомнительна, но покрытие достаточно. Поэтому мы не можем улучшить ситуацию с залогом. Опасность – это негативные кэш-флоу и возможность ухудшения качества залога. В этом случае, в случае негативного кэш-флоу клиента, клиент может ликвидироваться, текущие активы уменьшатся, и залоговая база банка растворяется. Здесь план фокусироваться на вероятности будущей краткосрочной ликвидации.

Четвертый сценарий – это плохая жизнеспособность и недостаточное обеспечение в виде залога или активов. Но здесь стратегия максимально увеличивать покрытие для банка и при этом снижать кредитный риск. Потому что, другими словами, наши убытки здесь растут каждый день, и планом действий здесь может быть только снижение и в перспективе скорая ликвидация.

Это только часть, маленькая презентация двухдневного семинара, который мы проводим. Если кому-то нужна подробная информация об этом, то можно обсудить, приходите на семинар. Спасибо.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Следующий выступающий у нас Ковригин Михаил Анатольевич, заместитель директора Департамента банковского регулирования и надзора, Банк России, Москва. Тема: *«Стресс-тестирование как инструмент анализа на макро и микро уровне»*.

КОВРИГИН М.А.

Я бы хотел сказать, что мой урок состоит в том, что если ты говоришь, что твое мнение не обязательно отражает позицию организации, на которую ты работаешь, это надо делать большими буквами на черном фоне, а не маленьким шрифтом в углу, который технически уехал. Но, действительно, если я что-то скажу, это может не отражать позицию Банка России.

Для тех, кто имеет опыт инвестирования на фондовом рынке в качестве частного инвестора следующая ситуация будет знакома. Вы несете свои кровно заработанные деньги на финансовый рынок,

думая, что все будет хорошо, а бывает не всегда так. В принципе, регулятора эта композиция не сильно беспокоит, потому что частный инвестор может делать все, что он хочет. Но если бы между этими субъектами был банк, то нас бы волновало это гораздо больше, поскольку Банк России обязан защищать интересы кредиторов и вкладчиков.

Я бы хотел сказать о стресс-тестировании следующие моменты. В этой формулировке есть 4 основные позиции, которые надо иметь в виду: стресс-тестирование – это: а) оценка; б) мы говорим о потенциальном воздействии; в) о том, что задаются некие факты риска или действия, которые мы хотим оценить; г) и о некоторых исключительных и вероятных событиях. Публика часто думает, что стресс-тестирование – это о вероятности. Стресс-тестирование – это не о вероятности, оно о масштабах и сценариях. Стресс-тестирование не говорит о том, насколько вероятно то или иное событие.

Уже было хорошо сказано о том, что должно быть в банках в плане соблюдения или выполнения требований IRB-подходов Базеля II. Стресс-тестирование в зональном образе – это 1% вероятности потерь, которые система риск-менеджмента в банке не охватывает другими методами, которые должны выполняться на постоянной основе.

Что надо сделать для того, чтобы стресс-тестирование стало нормальным элементом системы управления рисками?

На мой взгляд, это:

- профессионализм экспертов,
- увлеченность руководства
- и настойчивость регулятора.

Наш опыт показывает, что в банках работают по этой линии достаточно профессиональные люди, но их не слышат. Если вы соберете 10-30 менеджеров крупнейших банков, начнете их серьезно спрашивать:

- Ваша информация серьезно доходит вверх?
- Да, доходит.
- А она обсуждается Правлением?

И получается, что не так она «доходит», как должна. Поэтому нужна вовлеченность руководства. Все международные рекомендации говорят о том, что в подготовке или обсуждении ключевых параметров стресс-теста и сценариев стресс-тестирования должно принимать участие высшее руководство банка и те лица, которые принимают решение, чтобы результаты стресс-теста были для них не просто цифрами, которые посчитали умные кандидаты математических и физических наук, а чтобы они понимали, что мы определили какие-то условия и вот их результат.

И настойчивость регулятора в данном случае определяется теми возможностями, которые есть в законодательном плане. Я года 3–4 на конгрессе на эту тему говорю, и традиционно следует вопрос: «Когда вы сделаете обязательное стресс-тестирование?».

Я могу сказать так: пока не внедрится второй компонент Базеля II, стресс-тестирование, как инструмент, который бы регулятор учел при предъявлении требования к капиталу, работать не будет. То есть вы можете заниматься стресс-тестированием, которое будет являться внутренним инструментом риск-менеджмента (он может быть хороший и плохой), но чтобы этот инструмент был построен правильно на тех данных, о которых ранее говорилось, то есть на определенных условиях, я думаю понадобится несколько лет.

Теперь следующий вопрос.

Коллеги, которые с нами работали, часто говорили, что стресс-тестирование – это не наука, а больше искусство, у нас есть определенный опыт (я сейчас говорю о макро-стресс-тестах, что касается отдельного банка - это стресс-тестирование на микроуровне).

У нас были программы оценки финансового сектора, на сайте МВФ опубликованы отчеты – это один из инструментов оценки устойчивости банковского сектора. Есть еще другие определенные индикаторы, которые можно анализировать.

Мы выполняем такую работу, как анкетирование кредитных организаций. Это анкетирование показывает, что 80% банков и более проводят стресс-тесты, но, честно говоря, какие тесты проводятся – вопрос остается открытым и мы это специально не анализировали.

Мы стараемся следить за развитием международного опыта по стресс-тестированию. С учетом кризиса было сделано достаточно много новых документов, я бы назвал три из них:

- публичный документ ФСБ (Совета финансовой стабильности), который уделил внимание вопросам стресс-тестирования;
- рекомендательная разработка Базельского комитета;
- сама индустрия, а именно Институт международных финансов издал свежий документ по вопросам стресс-тестирования.

Что касается нашей модели, то это была достаточно простая модель. Мы действовали методом top down, то есть мы брали некий сценарий: предполагали, что банковская система в целом столкнется с определенными трудностями, делали простые допущения и смотрели, как реагируют кредитный риск, рыночный риск, риск ликвидности и что может быть на рынке МБК.

Традиционно несколько лет можно говорить о том, что кредитный риск является для наших банков основным источником потерь (мы делали такой анализ на ретроспективной статистике по ссудам четвертой и пятой категории, по которым нам отчитываются). Естественно, качество данных оставляет желать лучшего, потому что наиболее удачные модели стресс-тестирования исходят из данных вероятности дефолта, которые накапливаются в кредитных бюро. У нас в России такие единые данные вообще сложно представить, и общение с кредитными бюро тоже показывает, что у них данные о проблемах не подходят для такого анализа.

Теперь следующий момент – это норматив достаточности капитала по банковскому сектору, который можно распределить по разным кредитным организациям. Я ставлю вопрос: страшны ли нам стрессы с таким Н-1, когда он у многих банков не то, что чуть выше базельского требования, а в 5 раз выше базельского требования. Наш сценарий и расчеты показывают, что, в принципе, нельзя сбрасывать со счетов те риски или те стрессы, которые могут в нашем секторе представляться. Мы в этом году в отчете о развитии банковского сектора и банковского надзора впервые за долгое время опубликовали цифры по стресс-тестированию, этот отчет размещен на сайте Центрального банка. Мы в трех сценариях рассматривали потенциальные потери, и вы видите, что примерно от 4 до почти 6,8% ВВП могли бы составить потери капитала нашего банковского сектора в очень стрессовых условиях. То есть сценарий максимально жесткий, в отчете описано более подробно, о чем идет речь. Есть распределение по банкам, то есть мы говорим о том, что ниже 10-процентного порога могут оказаться от 155 до 285 банков, и доля от активов банковского сектора тоже в зависимости от сценария возрастает. Чем экстремальнее сценарий, тем более крупные банки могут добавиться к числу пострадавших.

Дискуссия о публикации результатов стресс-теста открытая, в этом году Банк России больше доверяет публике и исходит из того, что выводы, которые мы опубликовали в нашем отчете, будут

восприняты адекватно, и в том числе журналисты должны прочитать по крайней мере два раза, и если что-то непонятно, лучше еще раз спросить, прежде чем делать соответствующие выводы.

В России, как я уже говорил, стресс-тесты – это пока информация к размышлению. Есть другой пример. Вы помните, в США стресс-тесты были использованы в очень тяжелую фазу кризиса, чтобы определить реальную потребность в капитале, и по результатам этих стресс-тестов банкам были выставлены требования. То есть банкам были предъявлены планы, и буквально на следующий день после публикации результатов банки пошли на рынок за деньгами, чтобы увеличить достаточность, ту, которую посчитал регулятор, в том числе на основе стресс-тестов. Поэтому инструмент может работать по-разному.

Какие у нас остаются открытые вопросы? Во-первых, кризис – это для аналитиков всегда роскошная вещь в плане того, что тестируются гипотезы, ряды становятся интереснее. Поэтому можно в этом плане изучать то, как модель сработала, что она ухватила, что не ухватила. Естественно, нам надо смотреть, чтобы банки более правильно вписывались в общую конструкцию риск-менеджмента, и высшее руководство более внимательно относилось к их результатам.

Что касается более активного использования стресс-тестирования в системе регулятивных требований, то конечно, надо будет подумать, как это выстроить наиболее правильно. У меня такое ощущение, что это будет сильно связано со вторым компонентом «Базеля», чтобы это был реально работающий инструмент, а не рекомендации, которые можно игнорировать.

И последнее. Напомню то, как «Базель» говорит о стресс-тестировании. Есть такой седьмой принцип: процесс риск-менеджмента говорит о том, что надзорный орган должен быть уверен, что банк работает хорошо, и, в частности, есть так называемый дополнительный критерий-2 – надзорный орган требует, чтобы банки проводили стресс-тестирование жесткое, ориентированное на перспективу, и так далее, и тому подобное.

Немного о наших планах.

Мы хотим дополнить те расчеты, которые у нас есть, определенной макромоделью. По сути дела, это взаимосвязь шести крупных блоков.

Мы ее делаем совместно с компанией «Прогноз», которая нам оказывает определенную эконометрическую помощь.

В целом хочу сказать, что у нас очень обширные планы, и я думаю, мы с ними будем работать.

Спасибо.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Спасибо.

Есть вопросы к выступавшему? Нет.

По плану у нас кофе-брейк. Мы задержались, тем не менее, я просил бы вернуться тех, кто хочет продолжать участие в нашей секции, в 13 часов, имея в виду, что нам предстоит услышать и обсудить достаточно много.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Мы продолжаем наше заседание.

У нас еще 10 сообщений на вторую часть и порядка двух часов работы секции по расписанию. Поскольку мы договорились о 10 минутах, то мы не пойдем ни какие действия, ущемляющие права докладчиков, но одновременно мы здесь, в рабочем президиуме, будем еще строже, принципиальнее и

консервативнее подходить к контролю времени. Слово предоставляется Туинстра Фердинанду – Старшему советнику по банковской деятельности, Международная Финансовая Корпорация.

Тема выступления – *«Управление рисками: нужны ли новые стандарты и качество»*.

ТУИНСТРА Ф.

Я хочу коротко с вами обсудить общие вопросы, что происходит в мире, в Европейском Союзе и в России.

В мире, можно сказать, и раньше уже было озвучено, сейчас такой процесс идет, что более жестко смотрят на стабильность. Недавно был создан Financial Stability Board (FSB), там смотрят на более адекватное регулирование именно в сфере адекватности капитала, ликвидности, и на другие вопросы - на менеджмент банков, пространство, транспарентность и так далее.

Базельский комитет сейчас тоже внимательно смотрит на новый мир. Кризис показал, что «Базель-2» пока не так хорошо работает, как все ожидали. Сейчас работа идет над «Базель-2А», «Базель-2+» и даже «Базель-3». Сейчас уже ряд нового урегулирования был выработан. Недавно появились 2 новых стандарта в сфере ликвидности – это краткосрочный, когда банк имеет достаточную ликвидность на срок, скажем, месяц. Мы только что обсудили стресс-тест, он тоже включается в этот новый стандарт, который был с прошлого года от Базельского комитета, и другой стандарт был на более длинный срок ликвидности – год. Несколько банков уже отвечают этим стандартам, и новым параметрам – на короткий срок и на длинный срок. И новые параметры становятся очень важными.

О Базельском комитете, «Базеле-2», «Базеле-2А», «Базеле-3», идет много разговоров. До конца года ожидается полный пакет новых стандартов со стороны Базельского комитета. Европейский Союз тоже смотрит на вопросы надзора и на вопросы урегулирования. Конечно, как вы знаете, в Европейском Союзе много стран, и есть свой Центробанк. Центробанк имеет функцию надзора, а Европейский Союз как орган в Брюсселе имеет право выдать рекомендации по урегулированию. Кстати, это сложный момент, потому что, конечно, все эти страны, как они вместе каким-то одним путем идут, тоже такой важный момент. Cross-border Regulation – есть специальный термин.

В России тоже много сейчас делается, мы только что увидели, что внедрение Базеля 2 в России скоро завершится, как я понял. Регулирование процессов внутри банков пока мало основано на принципе управления рисками.

Как вы знаете, Ассоциация российских банков уже опубликовала их информативные стандарты, как управлять рисками в сфере ликвидности кредитов. Очень подробные, детализированные рекомендации. В разных точках мира происходят разные вещи. Важно отметить, что имел место большой, может быть, уникальный кризис, но все-таки были банки нескольких стран, в которых все было и стало более-менее в порядке, например, в Канаде, в Австралии. Там банковские системы очень надежные, стабильность очень высокая. В Австралии и в Канаде было видно, что можно жить в кризисе и дальше работать.

Я сам работаю с несколькими средними банками и, если смотришь на управление рисками, что, с моей точки зрения, нужно учитывать? Пока не очень хорошо видна корпоративная культура внутри банков. Управление рисками должно выходить на вопросы стратегии банка. Многие банки пока не имеют такого подхода. Управление рисками должно играть роль тоже на этом уровне стратегии.

Другой момент – вложение денег в информационные системы, в human resources. Это пока не считается важным в управлении рисками. Мы только что увидели, что необходимы базы данных, модели. Нужно построить хорошие системы и найти соответствующих людей, которые работают в этой сфере, это очень важно.

Другой момент – надзор, Наблюдательный совет. Риск-менеджмент пока еще не имеет такого места в повестке дня, какое должно быть. Риск-менеджменту нужно уделять больше внимания внутри оргструктуры.

Стресс-тесты. Практика показывает, что банки мало этим занимаются. Как будет действовать банк, если что-то случится?

Операционный риск – тоже тема, которой нужно уделить больше внимания.

Адекватность капитала (я имею в виду экономический капитал), как банк внутри определяет капитал, и сопоставляет с риском. И, в конце концов, пространство информации для потенциальных инвесторов именно в сфере риск-менеджмента считается очень-очень важным. Пока еще, по-моему, рано, чтобы это пространство вышло на высокий уровень. Положительный момент кризиса – то, что сейчас риск-менеджмент на приоритетном месте у многих банков. Как внедрять новое регулирование, новые процессы и новые системы – это уже другой вопрос.

Мы как МФК (IFC), работаем с несколькими банками именно в сфере риск-менеджмента. Если у банков есть вопросы, о том, как внедрять эти новые методы урегулирования, мы как МФК готовы помочь, особенно средним банкам.

Вот, в принципе, что я хотел сказать. Спасибо за внимание.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Спасибо. Отдельное спасибо за то, что вы посчитали возможным говорить по-русски. Это прекрасно и приветствуется.

Я не спросил, может быть, вопросы какие-то есть? Хорошо, появятся, тогда зададим.

Следующий Джикович Владимир Великович, Президент Ассоциации банков Северо-Запада, Санкт-Петербург. Тема: *«Снижение кредитного риска и вопросы совершенствования нормативного регулирования потребительского кредитования и залогового законодательства»*.

ДЖИКОВИЧ В.В.

Я хотел сказать сегодня, мы тут на периферии живем... Это второй город, но, тем не менее, не столица. И поэтому хотелось бы затронуть конкретную проблему, которая волнует банкиров, которые работают на Северо-Западе. Она такая маленькая, но, на самом деле, мне кажется, она очень большая. Она связана с рисками, касающимися вопросов залогов.

Мне кажется, что залог во всем мире и для всех банков, является основной формой обеспечения кредитования, а в России, в связи с недостатками законодательства, на сегодняшний момент совершенно не факт, что залог является обеспечением. Если вы работаете строго по законодательству, то не факт, что вы сможете реализовать залог, если наступит дефолт заемщиков. Процедура сложна и трудоемка. Банки с этим сталкиваются постоянно с заемщиками, когда у них происходит проблема реализации своего залогового права.

Мы все очень обрадовались, когда вышел закон о залоге, и появилась возможность досудебного изъятия (внесудебным порядком изъятие залога). К сожалению, радость оказалась недолгой. Ситуация такова, если говорить о движимом имуществе, то в договоре существует внесудебный порядок. Когда банк заключает договор, он напишет все в свою пользу, а заемщик соглашается с чем угодно, лишь бы получить кредит, и если потом наступает конфликтная ситуация и заемщик хочет уклониться и не соблюдает остальной порядок, то залог получить невозможно. Опять процедура пошла через суд.

Вторая проблема – у нас отсутствует регистрация движимого имущества. В связи с этим двойной залог и все исходящее из этого. Хотя законодатель предусмотрел осуществление регистрации недвижимого имущества. А кто будет осуществлять эту регистрацию недвижимого имущества, совершенно непонятно.

Мы в Питере несколько лет назад договорились (автотранспорт большего всего всех волнует), организовали такую регистрацию с местным ГИБДД. Все прекрасно работало в течение пяти лет. У нас было соглашение, мы исключили случаи мошенничества по автотранспорту. Потом пришла проверка из Москвы и сказали: «Чем вы тут занимаетесь, ребята?». И мы снова вернулись к себе, ГИБДД – к себе, как хотите.

Что касается недвижимости, то вроде бы регистрация есть, но возникает вопрос цены. Цена залога сегодня оценивается (суд ее оценивает) по первоначальной стоимости, но рынок ушел, все давно по-другому. И определить справедливую стоимость никто не может: судебные приставы не имеют права изменить цену, а банку нужно реализовать. Поэтому опять процедура, опять аукцион. То есть никакого облегчения с точки зрения реализации залогового права законодатель не сделал.

Мне кажется, что просто необходимо сегодня внедрить упрощенную процедуру изменения цены залога и внести ряд изменений в закон об исполнительном производстве. Российский Союз промышленников и предпринимателей, как мне кажется, тоже должен быть заинтересован в этом, потому что кредитовать реальный сектор банки все равно не будут, пока не отрегулированы эти вопросы. Давайте объединим усилия и все-таки доведем до конца этот вопрос совместными усилиями, потому что, мне кажется, это один из важнейших вопросов для того, чтобы банки стали кредитовать. Я знаю, что, если я останусь с этим залогом, я его никогда не реализую.

И вторая проблема, на мой взгляд, сегодня – это то, что не отрегулированы до конца взаимоотношения между банком и физическим лицом в плане тех дополнительных комиссий и платежей, которые каждый банк по-своему устанавливает. Мы уже видим несколько судебных случаев, когда банки проиграли дела. В частности, судебная практика расценивает некоторые ситуации как ущемление прав потребителей и практически всегда встает на сторону потребителя. Значит, потребитель заведомо имеет, как физическое лицо, некий приоритет в рассмотрении споров. В таких, например, вопросах как: не начислять пени в случае просрочки ежемесячного платежа на короткие сроки; передавать по договору кредита функции обслуживания платежей заемщиков в неисполнение обязательств третьему лицу, то есть коллекторам; не допускать принцип двойных санкций за одно и то же нарушение условий договора, а банки, бывает, это делают; не применять односторонний отказ банка от исполнения обязательств заемщика по кредитному договору на основании нарушения графика платежей по текущим платежам; не устанавливать комиссии за ведение и открытие ссудных счетов; не устанавливать комиссии за рассмотрение заявки на выдачу кредита; не допускать банкам аккредитации строительных и других компаний. Такие случаи тоже есть, когда приходит в банк потребитель, а банк по поручению размещал облигационный заем какой-нибудь компании, допустили дефолт, - претензии к банку. Банк говорит: «Я ни при чем, я брокер». – «Вы мне советовали, отдайте деньги». В какой-то степени потребитель прав, потому что он олицетворяет все это в виде платежей, получил услугу банка. Это все очень сложно.

И еще момент. Огромное количество разных финансовых инвестиционных компаний, которые также кредитуют население, кого угодно и под что угодно, потому что они никем не регулируются. Это один вопрос. Но ведь мы одновременно несем репутационные риски, и это отождествляется с банками в целом. Поэтому, мне кажется, что здесь просто пробелы в законодательстве, нет правового регулирования заемщиков в целом, и нужно эти нормы вносить в Гражданский кодекс Российской Федерации. Поэтому у

меня большая надежда, что все-таки конкретные предложения банков Санкт-Петербурга и Северо-Запада могут быть реализованы благодаря законодательным и общественным организациям. Спасибо.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Спасибо большое.

Есть вопросы к Владимиру Велейковичу? Мы присутствуем при торжественной передаче Павлу Алексеевичу Медведеву чайный коллег, я бы сказал, из второй столицы, я не могу сказать – из периферии.

Следующий выступающий Амирьянц Рубен Владимирович, заместитель директора Департамента лицензирования деятельности и финансового оздоровления кредитных организаций, Банк России. Тема: *«Вопросы финансового оздоровления кредитных организаций»*.

АМИРЬЯНЦ Р.В.

Здравствуйте, коллеги, уважаемый президиум!

Очень коротко постараюсь говорить о тех, кто не слушал Алексея Юрьевича и многих других моих коллег, которые на этом уважаемом форуме из года в год рассказывали о том, как надо быть осторожными с рисками и внимательными к своей активности.

В результате мы получили, в том числе в 2008 году, то, что получили, я повторяться не буду. До кризиса мы имели стандартное регулирование и законодательство о банкротстве, которое есть во всем мире, то есть базирующееся на рыночной основе. Рыночная основа – это то, что собственник банка или, возможно, найденный им инвестор, сам его спасает и сам выкручивается из той ситуации, которая создалась.

Мы, как орган надзора, имели базовый набор надзорных инструментов для работы с проблемными банками, но в целом этот набор инструментов сводился к тому, что мы могли вежливо подпихивать банки к тому, что им надо самим лечиться и слово «самим» было ключевое.

В принципе тенденция не изменилась, практически половина банков, которые в той или иной степени попадали в проблемы, имели основания для предупреждения банкротства (проблемы разной сложности), но практически половина из них излечивалась самостоятельно, что вселяет определенного рода оптимизм в оценку позиции их собственников, и в возможности менеджмента этих банков.

Тем не менее, этого инструмента было недостаточно, потому что в ряде ситуаций, по объективным причинам, в период кризиса существует некая системная слабость – упование только на собственников в связи с тем, что из-за кризиса не было возможности мобилизовать финансовые возможности, некоторые из банков остались без поддержки своих собственников, в связи с чем государству пришлось думать о том, как их спасти.

С принятием закона 175-ФЗ, который создал возможности для государственного вмешательства, государство получило следующие новые полномочия. Само право Центрального банка совместно с Агентством по страхованию осуществлять санацию – ключевая вещь, без которой государственное вмешательство существовать не может, а именно возможность выделять на эту санацию государственные деньги, право независимого принятия решения о санации. Четко были разделены функции и полномочия между ЦБ и АСВ, и базово все это соответствовало основным принципам существующих сейчас систем страхования вкладов.

Антикризисные инструменты - возможность для ЦБ вне рамок, с учетом текущей инспекционной деятельности или надзорной деятельности проводить оценку банка для целей понимания размера и самой

потенциальной возможности участвовать в его санации. Примерные цифры говорят о том, что если резервы по отчетности составляли 3% активов, то оценщики доначисляли практически около 30%.

У нас появилось право назначать временную администрацию в лице АСВ. Это первое событие, когда юридическое лицо назначается Центральным банком как исполнительный орган другой организации. Мы этим правом пользовались 5 раз. У нас появилось право списать капитал до одного рубля, естественно, в целях санации и последующей новой эмиссии или в пользу инвестора, или в пользу Агентства по страхованию вкладов (это тоже делалось по списанию капиталов около 5 раз).

А также впервые в России был опробован механизм передачи вкладов и эквивалентного размера имущества в здоровый банк без наступления страхового случая, влекущего выплаты из фонда страхования вкладов. Это делалось три раза.

Я считаю, что есть основания полагать, что передача вкладов прошла успешно. У нас не было большого количества жалоб от вкладчиков на временные технические перерывы, связанные с выдачей вкладов и прочее. То есть, я полагаю, что этот инструмент, появившийся в нашем совместном арсенале, позволяет достаточно оперативно выводить с рынка нездоровые банки, при этом сохраняя и их активы, и пассивную базу в уже здоровом банке.

Также предусмотрено право для АСВ выкупать проблемные активы у кредитной организации, и, соответственно, для нас как для регулятора осуществлять контроль через утверждение для агентства планов и контроль их осуществления.

Я уже предоставил информацию о том, что по обычной процедуре санации у нас около половины банков самостоятельно решали свои проблемы. Так, например, уставный капитал привести в соответствие сумели 9 из 12 банков. Я считаю, что это достаточно позитивный результат, который говорит о том, что не так все плохо в нашем сообществе. Санировано в период, как закон начал действовать, 22 банка в целом, 15 с участием АСВ. Планы рассчитаны на 3 – 5 лет. 3 банка санации не пережили в связи с передачей их вкладов в другие банки, и лицензии потом были отозваны. Сейчас банки находятся в стадии ликвидации. Сейчас мы можем уже смело говорить, что 4 банка полностью оздоровились, из них два шли в рамках работы АСВ, один банк присоединился к инвестору. В 15 продолжается работа, в 13 из них под АСВ. Я полагаю, что в этом году будут еще хорошие новости о фактическом прекращении действия норм о санации в отношении ряда банков.

У тех, у кого было совсем все плохо, лицензии отзывались. Соответственно, 2008 год – 33 банка, 2009 – 44 банка, в текущем году – 7 лицензий. Характерна тенденция – основания для отзыва лицензий смещаются с нарушений Закона об отмывании и еще ряда вещей к теме несостоятельности.

Удалось предотвратить заражение банковской системы, сохранили к ней доверие, восстановили ликвидность. Сейчас со всеми этими банками ведется работа с капиталами и активами, и сказать о том, что там нет проблем, я не могу. Но, тем не менее, эти проблемы сейчас прямой угрозы не создают для кредиторов и вкладчиков этих банков.

Для себя мы выработали достаточно эффективный механизм взаимодействия внутри ЦБ, между надзором и экономическим блоком, а также внешние взаимодействия между ЦБ и органами правительства.

У нас есть такой мораторий на отдельные требования по системе страхования вкладов, который прекратит действие к 1 января следующего года. Да, мы будем, действительно, оценивать необходимость его пролонгации, наверное, по итогам III квартала, но сейчас 96% случаев неприменения права на запрет происходит в связи с недостаточной доходностью, и 4% случаев из-за проблем с активами и капиталом.

Что касается Закона о санации, есть предложение, которое уже озвучивалось, о том, что его механизм надо сделать постоянным, так как Закон о санации у нас сейчас имеет ограниченный срок

действия. Мы планируем развивать мероприятия по усилению ответственности собственников, соответственно, будем завершать планы санации. Также будем уточнять те механизмы и инструменты, которые у нас есть, в том числе будем просить и Государственную Думу посмотреть наши предложения к законам.

И, безусловно, международный опыт, сегодня о нем много говорилось, я хочу им завершить, G-20 и тот самый известный FSB также работают в направлении предложений банкам создавать самим и работать над своими собственными антикризисными планами и планами урегулирования, то есть как они будут жить в стрессовой ситуации без государственной поддержки. Предлагается банкам планировать сокращение своего бизнеса, оценивать иные сценарии, в том числе сценарий снижения рисков. Как это будет у нас – говорить достаточно сложно, но мне кажется, и без указаний регулятора очевидно не только для крупных банков, но и для средних, для небольших банков, что лучше этим заниматься самим и иметь свои собственные планы аварийного финансирования и аварийного функционирования.

Спасибо за внимание.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Спасибо.

Есть какие-то вопросы? Нет.

Все проходит практически на «ура», всем все понятно – это замечательно, это отрадно. И я думаю, что эти планы на случай непредвиденных, тяжелых событий тоже для нас не проблема, я имею в виду для тех, кто сейчас слышал эту информацию.

Мы крупнейшим банкам направили соответствующие международные, переведенные на русский язык, рекомендации, и спросили мнение банков, что они думают по этому поводу. Пока дальше не пошли: мы посмотрим, что нам скажут банки и будем продвигаться дальше. Очень много сложных тем.

Следующий выступающий Милешкина Наталия Александровна -партнер компании «ПрайсвогтерхаусКуперс», Москва.

Тема выступления *«Финансовая отчетность «глазами менеджмента» в условиях экономической нестабильности».*

МИЛЕШКИНА Н.А.

Я сегодня хочу в своем выступлении обобщить информацию, полученную в ходе обзора, проведенного компанией «ПрайсвогтерхаусКуперс» в начале 2010 года, посвященного основным банковским рискам. Название этого обзора – «Банановая кожура», это международный термин. В России более принято название из известного нам комедийного фильма, это, скорее, арбузные корки. Переводя данный термин, замечу - это те риски или те особенности осуществления текущей деятельности, которые сегодня особенно занимают внимание основных игроков финансового рынка.

Данное исследование проводилось в ноябре-декабре 2009 года, совместно с центром по изучению финансовых инноваций. Интервал исследований в среднем составляет полтора года и, таким образом, получилось, что предыдущее исследование проходило в середине 2008 года, когда кризис только назревал в России, в международном сообществе были больше видны его предпосылки. И так получилось, что между двумя исследованиями прошло полтора года и существенная часть кризисных явлений попала в промежуток между двумя исследованиями.

В рамках данного исследования было опрошено 443 респондента из 49 стран, в том числе 31 респондент из России. У нас отзывы были приблизительно сопоставимы с количеством опрашиваемых

участников в Соединенных Штатах, чуть больше их было в Великобритании. Но, по крайней мере, в общем исследовании Россия была представлена достаточно активно.

В России это четвертое исследование. Международные исследования такого плана проводились на протяжении последних 15 лет, то есть их было сделано порядка 10, тем не менее, несмотря на то, что у нас это всего четвертое исследование, его результаты достаточно показательны.

И еще один слайд - риски, которые игроки финансового рынка особенно отметили в этом году. И в скобках на всякий случай я привела нумерацию или градацию данных рисков по результатам прошлого исследования. Поэтому можно на данном слайде особо обратить внимание, насколько менялись приоритеты и приоритизация рисков в течение этих полутора лет.

На первом месте, как и ожидалось, оказался кредитный риск, полтора года назад ему присваивали только четвертое место. Здесь, наверное, ситуация говорит сама за себя. Конечно, по результатам 2009 года в отчетности банков, по МСФО в частности, средний уровень резерва на возможные потери по ссудам составил порядка 10 – 12 %. Величина, конечно, очень существенная, особенно относительно предыдущего показателя по результатам 2008 года в размере 4%. И удельный вес данной величины, конечно, оказал огромное значение на отчет о прибылях и убытках коммерческих банков. К сожалению, некоторые из этих банков пришли даже в ситуацию убыточности. Поэтому его появление в первых строках рейтинга абсолютно обосновано.

Второй среди областей рисков, которые вызывают наибольшие опасения и наибольшее внимание – это кредитные спреды или, более часто употребляемое название – банковская маржа. С ней, действительно, ситуация развивается отчасти циклическим образом, потому что, с одной стороны, в конце 2008 года многие банковские организации были вынуждены поднять уровень процентных ставок, чтобы отчасти покрыть уровень кредитного риска, который был связан с их активами, отчасти покрыть высокие ставки привлечения, поскольку надо было удерживать клиентов внутри банка и, таким образом, соблюдать какой-то баланс между ставками по привлечению и ставками по размещению. Но, к сожалению, данные меры вызвали достаточно серьезную негативную реакцию среди заемщиков банков, заемщики снизили свои аппетиты в отношении кредитов, остановили кое-какие программы по реформированию своей капитальной базы. На конец 2009 года банки вышли с тем, что, наоборот, на рынке существует избыточная ликвидность, но, к сожалению, разместить эти средства пока или некуда, или некуда разместить их с такой доходностью.

Третьим важным показателем были отмечены макроэкономические тенденции. Здесь большинство респондентов высказывают серьезные опасения относительно зависимости нашей экономики от сырьевой базы, и любое изменение цены на нефть существенным образом влияет на нашу экономику.

Вопросы четвертый и пятый – курсы валют и рынок ценных бумаг – я думаю, достаточно серьезно связаны с третьим вопросом, макроэкономическими тенденциями, поэтому их здесь можно рассматривать в достаточно серьезной связке. Хотя, опять же, стоит отметить, что, такой показатель, как рынок ценных бумаг, по сравнению с прошлым годом, когда этот риск был отмечен на втором месте, сейчас несколько снизился.

Отмечают респонденты свою озабоченность методами управления рисками. Сегодня как раз в ходе сессии звучало очень много комментариев на предмет того, как все-таки правильно осуществлять управление рисками, что нужно делать стресс-тестирование, что нужно делать его на правильных показателях, внедрить определенную систему корпоративного управления, второй компонент «Базеля-2». Я бы со своей стороны хотела добавить, что, наверное, здесь требуется большая просветительская работа, прежде чем устанавливать какие-то элементы компонента «Базеля-2» и корпоративного управления

кредитными рисками и сбором информации. Коллеги из «Мудиз» говорили о том, что сбор данной информации необходимо осуществлять в течение от 1 до 5 лет. Но тоже здесь важно понимать, какую информацию нужно собирать. Здесь прямое применение западных аналогов, наверное, представляется затруднительным, поскольку на Западе чаще оперируют такими понятиями, как списание ссудной задолженности. В России, вы наверняка знаете, не настолько распространены эти ситуации, но, тем не менее, можно анализировать вероятность дефолта по каким-то другим смежным показателям. Поэтому я бы здесь рекомендовала, прежде чем работать над оболочкой, понять, вокруг чего мы будем выстраивать эти процессы корпоративного управления.

На седьмом месте отмечен риск политического вмешательства. В прошлом году он не был обозначен респондентами вообще. Здесь ситуация достаточно стандартная. Все понимают и достаточно озабочены большим участием государства как в банковском секторе, так и в других областях экономики. Поэтому появление данного риска ничем не удивило ни нас, ни наши компании.

И восьмой риск – риск мошенничества. Конечно, в условиях кризиса обостряется ситуация с мошенничеством. Все пытаются каким-то образом сыграть на сложившейся неблагоприятной ситуации. Но, в принципе, этот показатель остался на том же уровне.

Я не буду детально останавливаться на всех других рисках, в принципе они тоже достаточно ожидаемы. Обращу ваше внимание, что риск ликвидности, который в прошлом году был на первом месте, сейчас стоит на двенадцатом. Это прямое отражение того, что вопросы ликвидности у нас на данный момент решены, но, к сожалению, решены за счет второго пункта – будущей доходности банковской системы.

И самый последний двадцатый пункт – непрерывность работы и деятельности организаций – передвинулся на 10 пунктов выше в связи с тем, что многие банки столкнулись с неблагоприятной ситуацией, и вопрос продолжения их деятельности тоже вышел на первый план.

В части перемещения в рейтингах я прокомментировала, здесь все ожидаемо. Как я сказала, кредитный риск и риск будущей доходности сейчас существенным образом преобладают над риском ликвидности.

Интересно сравнить распределение рейтингов риска между респондентами России и респондентами других стран, и здесь тоже напрашиваются некоторые интересные выводы. Если мы обратим внимание на колонку справа, то первым пунктом и пунктом третьим вызывающим беспокойство мирового сообщества стоит политическое вмешательство и избыточное регулирование. У нас, как я уже обратила ваше внимание, риск политического вмешательства был поставлен только на седьмое место, риск избыточного регулирования стоит где-то очень далеко во всей системе рейтинга. Либо мы уже за долгие годы привыкли жить в стране с достаточно жестко регулируемой экономикой, потому что я не думаю, что у нас в меньшей степени осуществляется вмешательство или коррекция со стороны государственных органов, либо вполне возможно, что респонденты приветствуют это политическое вмешательство или регулирование, которое предоставляется Банком России. Но результаты рейтинга говорят сами за себя.

Кредитный риск у нас на первом месте, в мире – на втором. Это вопрос небольшого расхождения. Макроэкономические тенденции были отмечены в России на третьем месте, в мире – на четвертом, поэтому здесь сюрпризов не было.

Хочу обратить ваше внимание на то, что на шестом месте в мировом обзоре стоит доступность капитала и западное сообщество очень этим озабочено. У нас такие показатели, такие риски в рамках обзора стояли после десятого номера. Но здесь я бы призывала не испытывать излишнего оптимизма, потому что сейчас, несмотря на то, что многие показатели достаточности капитала находятся на высоком уровне,

отчасти это связано с тем, что банки осуществляет вложения в высоколиквидный, но, к сожалению, менее доходный инструмент. И в этом плане капитал, как таковой, не работает.

Если будет наблюдаться определенная цикличность, если мы сейчас кредитуем мало, но потом может возникнуть эффект отложенного спроса и предприятия, которые придерживали свою базу модернизации, придерживали реновации в своем бизнесе, могут вернуться к этому вопросу и неизвестно, как сложится тогда баланс спроса и предложения.

Вкратце это все тезисы, которые я хотела осветить.

Отдельно привлеку ваше внимание, что мне не удалось коснуться более детально специфики опроса за рубежом. Тем не менее, все особенности, результаты данного опроса представлены в брошюре, которая у нас находится на стенде. Поэтому, если будет интересно, ознакомьтесь с ней, пожалуйста.

Спасибо.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Есть вопросы по данному сообщению? Нет.

Следующий выступающий – Королева Елена Владимировна – заместитель Директора, начальник Управления Департамента банковского регулирования и надзора, Банк России, Москва.

Тема выступления *«Организация надзора за банковскими группами и банковскими холдингами: состояние, проблемы, перспективы развития»*.

КОРОЛЕВА Е.В.

Добрый день, уважаемые коллеги!

Прежде чем ответить на вопрос о состоянии надзора за банковскими группами и банковскими холдингами, я хотела бы обратить ваше внимание на несколько вводных вещей, которые необходимы для того, чтобы определиться с данным состоянием.

Прежде всего, надзор зависит от того, какие полномочия предоставил надзорному органу законодатель. Исходя из действующих на сегодняшний момент двух законов, я не случайно буду говорить о двух законах, потому что Закон о Центральном банке, установив определенные полномочия, в отдельных случаях, с точки зрения консолидированного надзора, дает необходимость обращения к Закону о банках и банковской деятельности, имея в виду, что именно в этом законе содержатся основные определения с точки зрения банковской группы и банковского холдинга.

В развитие соответствующих полномочий Банком России были изданы нормативные акты, которые касаются порядка составления, представления и опубликования консолидированной отчетности, затем предельных значений и методик расчета обязательных нормативов, правила организации внутреннего контроля.

Теперь в отношении определений. На сегодняшний момент под банковскими группами, согласно 4 статье Закона о банках и банковской деятельности, подразумевается объединение кредитных организаций. И в этой связи хотела бы обратить ваше внимание на то, что в данном законе есть еще одна статья, которая с точки зрения составления консолидированной отчетности расширяет периметр консолидации и говорит о том, что к банковским группам относятся не только объединения, в которые входят кредитные организации, но и объединения в том числе с учетом некредитных организаций. И, кроме того, в нормативных документах Центрального банка используется в этой связи еще и такое понятие, как консолидированная группа. Это та группа, во главе которой стоит кредитная организация, и кроме этой кредитной организации, в нее не входят кредитные организации, а включаются именно некредитные организации. И понятие

банковского холдинга, которое говорит о том, что любое объединение юридических лиц, в составе которого имеются кредитные организации, если это не головная организация, признается банковским холдингом.

Исходя из этого, на сегодняшний момент предстоит с точки зрения моего выступления ответить на вопрос: соответствуют ли те подходы, те нормы, которые на сегодняшний момент выработаны Центральным банком, международной практике, соответствующим рекомендациям тех органов, которые в этой связи являются основополагающими, прежде всего, конечно, рекомендациям Базельского комитета по банковскому надзору? Если мы говорим непосредственно о надзоре, то, естественно, основной задачей при организации консолидированного надзора является оценка влияния принимаемых рисков на финансовую устойчивость каждой организации, в данном случае кредитной организации, входящей в состав этой группы. В целях реализации данной задачи Банком России в ходе консолидированного надзора осуществляется анализ деятельности этой группы, и в том числе производится оценка организационной структуры группы с точки зрения выявления сверхповышенного риска на консолидированной основе и операций, осуществляемых между участниками группы. Кроме того, осуществляется анализ выполнения группой обязательных нормативов, а также оценка эффективности функционирования системы управления рисками и внутреннего контроля в группе. С точки зрения полномочий, в случае возникновения определенных ситуаций, угрожающих законным интересам кредиторов и вкладчиков, Банк России в определенных случаях имеет право применять меры воздействия к банковским группам.

В этой связи можно сказать, что, с точки зрения таких общих посылов, мы соответствуем международной практике. Тем не менее, ответ на этот вопрос, наверное, должен звучать и «да», и «нет». Да – в части общих рекомендаций, которые существуют, и нет – с позиции тех полномочий, которыми на сегодняшний момент располагает Банк России.

С точки зрения полномочий я не случайно обращала ваше внимание на определенные вводные составляющие, потому что, прежде всего, когда мы будем говорить о периметре консолидации, о рисках, которые принимают кредитные организации с точки зрения консолидации, то понятие банковской группы и банковского холдинга, которое на сегодняшний момент используется в Российской Федерации значительно уже тех терминов, которые используются в международной банковской практике. В частности, практически не используется понятие «контроль».

Кроме того, когда мы говорим о банковском холдинге, в этом плане с точки зрения надзора какие-либо полномочия у Банка России практически отсутствуют.

Кроме того, реализация эффективного банковского надзора накладывает на себя проблему, связанную с обменом информацией внутри банковской группы.

Сегодня в ходе выступлений отмечалась проблема 26-й статьи закона «О банках и банковской деятельности», имея в виду тот набор информации, который может распространяться о деятельности кредитных организаций. И на сегодняшний момент 26-я статья накладывает такой отпечаток, что участники группы не в полном объеме и не всегда могут предоставлять в своей головной организации информацию об операциях для того, чтобы головная организация уже в полном объеме могла оценивать те риски, которые она принимает на себя с учетом деятельности всей группы.

Кроме того, если мы говорим о консолидированном надзоре, то, поскольку в периметр консолидации включаются не только кредитные организации, но и организации, подпадающие под сферу регулирования и надзора со стороны других исполнительных органов власти, то естественно встает вопрос об обмене информацией с этими органами власти (это если мы говорим в целом о Российской Федерации). И с точки зрения трансграничного надзора (на сегодняшний момент это тоже актуальный вопрос), когда группы располагаются не только на территории одной страны, но и на территориях нескольких государств,

естественно, встает вопрос, связанный с обменом информацией между надзорными органами различных государств.

Закон на сегодняшний момент, предоставляя Банку России соответствующие права, тем не менее, накладывает определенные ограничения на обмен информацией между данными органами надзора, имея в виду иностранные органы надзора и органы надзора в рамках Российской Федерации.

Таким образом, исходя из данного состояния законодательства, естественно встает вопрос, каким образом нам на данном этапе можно совершенствовать консолидированный надзор. И естественным образом встает проблема, связанная с тем, что как бы на сегодняшний момент не старались решить определенные проблемы, связанные с совершенствованием консолидированного надзора, в полной мере не удастся без совершенствования действующей законодательной базы.

Такая задача стоит давно, но, к сожалению, эффективно продвинуться по решению данного вопроса пока не удастся, хотя, чуть-чуть забегаая вперед, могу сказать, что на данном этапе можно говорить, что определенные подвижки имеют место быть, и это звучало во вчерашних выступлениях на пленарном заседании. Дело в том, что все-таки те поправки в законодательство, которые подготовлены, вторично направлены в правительство и есть вероятность того, что законопроект, который подготовлен, будет одобрен правительством и дойдет до Государственной Думы.

Что же в этой связи предполагается? Прежде всего, необходимо уточнить те понятия, которые на сегодняшний момент мы используем с точки зрения консолидированного надзора. Это понятия, касающиеся определения банковской группы и банковского холдинга.

Законопроект, который подготовлен, прежде всего, уточняет понятие «существенное влияние» и закрепляет новое понятие «контроль». Понятие «существенное влияние» уточняется путем введения критериев такого влияния со стороны юридических лиц, входящих в состав банковских групп или банковских холдингов, на деятельность иных участников группы холдингов и через физических лиц, являющихся акционерами, участниками, служащими указанных организаций, либо их близкими родственниками.

Уточнение понятия «существенное влияние» и введение понятия «контроль» позволит включить в число поднадзорных объединений группы кредитных организаций, имеющих одних и тех же собственников, то есть так называемые горизонтальные или параллельные группы. Это реакция на решение замечаний, высказанных Международным валютным фондом в ходе оценки на соответствие Российской Федерации эффективным принципам базельского надзора.

Действительно, как сказал Алексей Юрьевич, мы с точки зрения законодательства продвигаемся значительно вперед, прежде всего, с позиций тех полномочий, которые будут давать наиболее эффективно и полно оценивать те риски, которые принимают на себя кредитные организации при консолидации.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Вопросы есть к Елене Владимировне? Пожалуйста.

ИЗ ЗАЛА

Правильно ли я понял? Есть партнер, банк, два банка, один хозяин. Простая ситуация. Мы их считаем группой связанных лиц по законодательству, соответственно, шестой норматив и все остальное. А что, для Центрального банка еще есть какой-то вопрос, еще какой-то закон надо? То есть вы в этой ситуации не считаете, что это холдинг? И надзор какой-то здесь, имеются проблемы?

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Елена Владимировна, расскажите, пожалуйста. У нас эти «дочки» с точки зрения наших прав Банка России на сегодняшний день «дочки», а не параллельная собственность. Правильно я отвечаю?

КОРОЛЕВА Е.В.

Да. Когда один собственник, не юридическое, а физическое лицо, то объединить две организации в одну группу в данном случае трудно по законодательству. Они не являются связанными лицами. На сегодняшний момент в российском законодательстве даже не используется понятие «связанные физические лица».

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Уважаемые коллеги, мы говорим: на сегодняшний день в чем-то мы реализуем те абсолютно справедливые экономически обоснованные подходы, которые существуют в международной практике. Где-то наше законодательство реализует эти подходы, а в каких-то аспектах мы отстаем, в плане как раз консолидированной оценки ситуации отстаем. Мы должны догонять здесь, и должны были сделать это 5 лет назад. Кризис показал, что это делать необходимо. Сейчас что-то сдвинулось.

КОРОЛЕВА Е.В.

Стратегия, которая была до 2008 года, предполагала разработку данного аспекта.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Совершенно верно. В 2005 году была принята эта стратегия, а до этого, насколько я помню, это было еще в стратегии предыдущей 2000 года, это было записано. Предложения давались, а они застревали.

ИЗ ЗАЛА

Вопрос из той же серии. Я извиняюсь за глупый вопрос, но я не понял, расскажите мне «на пальцах», что такое, когда банк и какое-то предприятие, не банк? Я не понял, сию и думаю: я группа или не группа?

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Если посмотреть так, то нет, вы индивидуум. (Смех в зале). Но очень может быть, я не знаю всех деталей на самом деле, надо разобраться.

Хорошо, я думаю, Елена Владимировна ответит на этот вопрос после завершения сессии, если, конечно, у нас время останется.

Есть еще вопрос? Пожалуйста, Ольга Александровна.

О.А.

Эта тема очень интересная и стоило бы докладчикам рассказать о нововведениях. Как будут распределены полномочия, кому подчиняться? Не возникает ли в связи с этим вопрос о едином регуляторе?

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Распределение, на самом деле, элементарное. Мы занимаемся банками, а ФСФР занимается профучастниками. Речь идет об оценке рисков на консолидированной основе, но при этом объектом нашего

внимания являются, прежде всего, банки, а объектом внимания других органов надзора – те субъекты, деятельность которых они регулируют. Поэтому я думаю, что можно распределиться.

Что касается макро- и мега-регулятора, то в моем понимании каких-то серьезных основ для этого в обозримой перспективе нет.

Следующий выступающий Братановский Алексей Дмитриевич – менеджер, компания «Эрнст энд Янг», Москва.

Тема выступления *«Практические аспекты повышения эффективности внутреннего контроля в российских банках»*.

БРАНАТОВСКИЙ А.Д.

Здравствуйте, коллеги!

Хотя мы сегодня много говорим о проблеме управления финансовыми рисками, я хотел бы сделать шаг назад и посмотреть на систему внутреннего контроля банка в целом, потому что кризис дает нам уроки с точки зрения новых метрик по управлению рисками, их оценки управления. Но если мы не выстроим правильную систему контроля в банке, то ничего этого выполняться не будет. И для этого нам нужно посмотреть, какие факторы повлияли и что мы должны сделать, какие новые требования поставить для выстраивания «новой» системы внутреннего контроля и аудита в том числе.

Поэтому в рамках презентации я бы хотел рассмотреть те факторы и последствия, которые у нас возникли из-за кризиса, как они повлияли на деятельность банка и, как следствие, на деятельность функции внутреннего аудита. После этого я расскажу про текущую ситуацию в банках (мы проводили исследования в 2009 году по основным направлениям деятельности внутреннего аудита), обозначу вопросы, которые возникли в связи с новыми реалиями, и предложу решения для того, чтобы улучшить ситуацию.

Хотел бы сразу определиться с терминами. Мы сейчас не будем рассматривать в большей степени систему внутреннего контроля в целом в банке, потому что это весь банк, включая менеджмент, контролирующие органы и внутренний контроль и внутренний аудит. И хотел бы больше сосредоточиться именно на функции внутреннего аудита с точки зрения его новых задач, приоритетных целей, ресурсов, методологий в связи со сложившейся новой посткризисной ситуацией.

Мы сегодня много говорим о последствиях кризиса, поэтому здесь я вам ничего нового не скажу, у нас ухудшились активы, возросла просрочка. Соответственно, от нас требуются новые методы управления, в том числе кредитования и так далее, выстраивание новых процессов, возможно, их усложнение. Мы должны выстраивать какие-то дополнительные контрольные функции как с точки зрения дизайна (какие-то новые методологии, применить дополнительные средства контроля), так и с точки зрения их имплементации, потому что мы должны смотреть, будет ли работать данная методология, как она будет выполняться в филиалах, какой у нас контроль за этим. Все эти цели, эти задачи повлияли на усложнение процессов кредитной организации, как с точки зрения бизнес-процессов, так и с точки зрения, например, систем. Нам нужна новая отчетность, более точная, более быстрая, более тонко настраиваемая. Следствие - усложнение ИТ-системы и ИТ-задач. Соответственно, если мы посмотрим со стороны внутреннего аудита, то нам нужна дополнительная экспертиза с этой точки зрения. Мы должны больше уделять внимания аспектам, которые стали сейчас приоритетными.

Это один аспект, что у нас изменились реалии, но законодательство и мировые тенденции тоже не стоят на месте, и тоже отражают задачи, которые актуальны для банков. У нас есть 242-П, которое тоже обновляется и отражает основные тенденции, есть и международные стандарты, которые не обязательны к выполнению, но мы говорим про более широкий спектр. Если у нас законодательство, например, не

впрямую говорит что-то по внутреннему аудиту, то с точки зрения стандарта здесь достаточно широкий спектр, то есть мы говорим больше по IT-аудит, например, то есть какие требования IT-аудит выставляет. Отдельно мы говорим про оценку риска мошенничества. Это тоже основной риск, который сейчас выдвигается на первое приближение, и с которым нам необходимо тоже работать. Все эти требования, с одной стороны, - это объективная реальность, это рынок и так далее, а, с другой стороны, это законодательство, это лучшие практики.

Давайте посмотрим, где мы есть на самом деле. В 2009 году мы провели исследования по основным направлениям – это функция, структуры, методология и ресурсы. Это очень укрупненно, не буду сейчас останавливаться на деталях, но я пройду по функциям, которые есть сейчас, и которые мы ожидаем, тем решениям, которые мы можем предложить по их изменению.

Структура – это подчиненность, это выстраивание комплексной системы управления рисками, методология и ресурсы. Следующие слайды как раз раскроют это. Это текущая ситуация, которая была в 2009 году. Как видите, здесь было опрошено высшее руководство банков и также руководитель службы внутреннего аудита. И у них ответы не всегда совпадают. Например, консалтинговая функция, она важна с точки зрения руководства, руководство ожидает, что она есть. С другой стороны, внутренний аудит сам по себе, руководитель его, готовы предоставлять ее только в 10% случаев. Если мы посмотрим основные ориентации, на что направлен сейчас внутренний аудит, это compliance-контроль, это регуляторные требования. Понятно, это требуется, это нужно. Управление рисками в пределах 20 %, если говорить с точки зрения руководства и внутреннего аудита.

Эффективность работы банка в целом. Какой вывод? Мы больше ориентированы на compliance как таковой, но не на эффективность. Соответственно, если говорить про решения, то больше внимания к консалтинговой функции как таковой. То есть мы должны удовлетворять требования руководства, при этом сохраняя независимость. Мы должны разъяснить те или иные проблемы, если они возникают у менеджмента банка, при этом представляя это не в рамках независимой структуры, это именно консалтинговая функция. Мы говорим про участие внутреннего аудита в расследовании фактов мошенничества. Мы смотрим на функционирование системы риск-менеджмента, мы оцениваем, как риск-менеджмент управляется. Не только с точки зрения операционной эффективности – соблюдаем или не соблюдаем лимиты, а с точки зрения методологии, насколько правильно мы считаем, например, такие показатели, как валютный риск, кредитные риски и так далее. Все это становится в том числе новой задачей внутреннего аудита, на которую мы сейчас должны ориентироваться в своей работе.

По следующему направлению мы говорим про структуру. Очень важно в данной ситуации сохранять независимость. Понятно, что на практике, даже если мы формально прописываем в Уставе внутреннего аудита или Положении внутреннего аудита, что функция должна быть независимой, очень часто она все равно подчиняется председателю Правления, возможно, с функциональным рефортигом Комитету по аудиту, если он есть (а он есть не во всех случаях).

В идеале, если возвращаться к решениям, мы увидим, что нужна более четкая регламентация, возможно, более четкая формализация вплоть до того, что трудовые контракты руководителей службы внутреннего аудита должны заключаться не с председателем Правления банка, а, например, с председателем Комитета по аудиту или со специально выделенным человеком в Совете директоров, который отвечает за данную функцию.

Более четкая регламентация и более четкое вписание в общую систему управления рисками в банке, которая включает в себя и управление риском, и внутренний контроль, и compliance-контроль и внутренний аудит. Здесь, с одной стороны, важно исключить дублирование функций, а с другой стороны, важно

показать, что compliance-контроль и внутренний контроль, которые осуществляют ежедневный контроль по сравнению с внутренним аудитом, и это сейчас наиболее важно, потому что нам нужно мониторить риски не только с помощью плана внутреннего аудита, который делается на какую-то перспективу, но и на ежедневной основе для того, чтобы держать руку на пульсе, контролировать те риски, которые сейчас возникли.

С точки зрения методологии, сегодня прозвучало, что Центральный банк своей проверкой переходит на риск-ориентированный подход. То же самое можно рекомендовать самим банкам. Как сейчас видно, в большинстве случаев ситуация не такова. То есть в большинстве случаев мы не полагаемся на оценку рисков при планировании аудиторских заданий и их исполнении. С точки зрения рекомендаций на следующем слайде можно увидеть 5 основных шагов, каким образом строится риск-ориентированный подход. То есть мы говорим про задание каких-то целевых критериев мы выделяем те риски, которые для нас важны. Мы производим оценку всех бизнес-процессов (это второй шаг по оценке существующих рисков), насколько существующие контроли покрывают те риски, которые сейчас выявлены, и что мы делаем с остаточными рисками.

Собственно, разрабатывается взвешенный план аудита на все эти риски, то есть мы делаем приоритет. Понятно, что в долгосрочной перспективе мы покрываем все объекты аудита, включая филиалы и департаменты банка. Но здесь важен приоритет на краткосрочные перспективы, чему мы уделяем большее внимание сейчас, чему мы уделяем большее внимание через год, хотя в долгосрочной перспективе у нас полное покрытие всех рисков и всех объектов аудита осуществляется.

Реализация плана аудита осуществляется с учетом наших возможных ресурсов, которые учитываются здесь, и с учетом риск-ориентированного плана, то есть приоритеты тех направлений, которые мы делаем. И после этого мы доводим информацию руководству и делаем последующие действия – мониторим контакт выполнения тех рекомендаций, которые мы сделали.

Что здесь важно? Здесь важно, потому что здесь люди. Эта методология – это риск-ориентированный подход, о котором мы говорим. Помимо этого есть ИТ-системы (базируются на какой-то ИТ-программе, которая помогает оценить все эти риски, формализовать их и выдать решения и приоритизацию процессов, которая необходима для реализации риск-ориентированного плана аудита).

И четвертый пункт – это сами ресурсы. С точки зрения ресурсов, мы говорим про то, что нам необходимы квалифицированные ресурсы. Кризис показал, что, к сожалению, несмотря на возросшие риски, за прошедший год в 56 процентах случаев количество сотрудников внутреннего аудита изменилось, а в 38 процентах случаев оно сократилось. И мы говорим о специальных компетенциях, которые нам нужно дополнительно развивать в связи с изменившимися функциями, изменившимися приоритетами.

И последнее, о чем я хочу сказать, после того, как все это мы внедрили, нужно оценивать и саму функцию внутреннего аудита, то есть давать независимую оценку, насколько все те действия, которые я сейчас описал, действуют. Это делается с точки зрения управления персоналом и общей инфраструктурой, что в итоге даст экономический эффект, потому что если у нас выстроена система внутреннего контроля, то даже расходы на внешних аудиторов могут сокращаться за счет того, что внешний аудитор по своему усмотрению может полагаться на работу внутреннего аудита в каких-то своих заданиях.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Спасибо.

Следующий выступающий у нас Артемьев Александр Борисович, директор компании «БДО», Москва. Тема: *«Комплексные решения по структуризации и управлению непрофильными банковскими активами. Практика и рекомендации»*.

АРТЕМЬЕВ А.Б.

Уважаемые коллеги, добрый день!

Все мы прекрасно знаем, что на сегодняшний день проблема непрофильных активов стоит очень злободневно, и каждый пытается теми или иными способами ее решать. Хочу обратить ваше внимание, что на сегодняшний день, исходя из статистики и практики, существующие так называемые твердые залоги в виде объектов недвижимости, инвестиционных прав и так далее, составляют в активах банков около 60 или более процентов. Такая структура в залоговых активах банков привела естественным образом к той ситуации, которая сложилась на сегодняшний день, а именно: в правой колонке отражены основные моменты, которые сегодня стоят перед руководством и менеджментом банков, связанные с решением этой проблемы.

Несколько слов о структуре принятия решений и развитии практики в этом направлении. Хочу сказать, что банки и бизнес – это естественная система сообщающихся сосудов, и любое изменение в той или иной стороне приводит к немедленной реакции другой стороны. Поэтому, если возникает вопрос, связанный с реструктуризацией, и нет возможности его решить, что называется, полюбовно, то напрямую встает вопрос о получении непрофильного актива и различных вариантах управления им. В связи с этим, развивая нашу практику, мы понимали, что рынок заинтересован в комплексных решениях, и максимально пытались развивать мультиструктурные продукты.

Мы прекрасно понимаем, что главная цель, которая преследуется при всевозможных операциях, структуризации и управлении непрофильными активами – это максимально снизить риски, связанные с получением, управлением и последующей реализацией этого актива. Потому что главной целью для банка является, естественно, получение возмещения издержек и всех затрат, которые банк понес в связи с ситуацией, которая привела к получению этого непрофильного актива.

Работая над этими комплексными решениями, мы использовали напрямую стратегию так называемого супермаркета, когда наши партнеры, коллеги в банках, могут в том или ином наборе прийти и получить все необходимое, что нужно для реализации тех или иных действий, мероприятий и решений, которые связаны с проблемными или непрофильными активами.

Хочу отдельно отметить, что именно комплексное использование всех этих процедур позволяет решать задачи, связанные с эффективным управлением и реализацией этих непрофильных активов.

Несколько слов о стадиях. Хочу сказать, что каждый непрофильный актив проходит три укрупненные стадии – это, естественно, стадия получения, стадия управления и стадия реализации непрофильных активов. Хочу привести несколько конкретных примеров, наиболее часто встречающихся, по каждой из этих стадий.

Первая стадия, которая называется этап получения непрофильного актива, достаточно интересна и многогранна. Из наиболее часто встречающихся могу привести собирательный образ. Один из крупнейших банков, имея достаточно крупный проект в регионе, он был связан со строительством торгово-развлекательного комплекса, в качестве обеспечения получил все права на этот объект, который в своей предыдущей жизни являлся промышленным объектом. То есть торгово-развлекательный комплекс создавался на базе бывшего промышленного объекта.

Когда встал вопрос о получении банком непрофильного актива, всплыла такая казусная ситуация: оказалось, что объект уже претерпел достаточно серьезные изменения, поменял свой статус, но у банка он висел, как залог, как промышленный объект. В связи с этим, когда мы вошли в этот проект, нам пришлось активно заниматься ситуацией, связанной с переводом объекта в новый статус, - регистрацией объекта как незавершенное строительство, и так далее.

Следующая стадия, которая возникла, была посвящена изучению того, что дальше делать с этим объектом – как можно скорее избавиться от него, найти какого-то профильного инвестора, или попытаться повысить его капитализацию, ликвидность и затем через некоторое время реализовать на рынке. Решение пришло в результате комплексного исследования, и банк принял решение, что объект надо докапитализировать, повысить его ликвидность, капитализацию и объект после подготовки соответствующего комплекта документов начал финансироваться и завершалось строительство этого объекта. И по ходу реализации проекта строительства очень актуальным был надзор за финансово-техническим состоянием, технический аудит и весь комплекс процедур, связанный с этими вопросами.

Параллельно решались вопросы изучения рынка, подбора возможных инвесторов или арендаторов. Параллельно велся проект, связанный с арендным брокериджем и в результате на сегодняшний день у этого объекта прекрасные перспективы, есть несколько реальных инвесторов, есть два фонда, одна сетевая компания, которая изъявила желание приобрести этот объект, и, по нашим расчетам, банк в результате покроет не только свои издержки, но и те дополнительные финансовые вложения, которые он понес в связи с завершением строительства. Это удачный пример.

Следующее – управление непрофильным активом. Это достаточно сложная стадия и, как правило, она непросто проходит во многих банках. Вы прекрасно знаете, что многие банки, особенно крупные и крупнейшие, создавали специализированные структуры (это ВЭБ, то это ВЭБ-капитал, если говорить про Сбербанк, это Сбербанк-капитал и так далее).

Как правило, достаточно серьезные и крупные активы выводятся на специализированные структуры и дальше под эгидой этих структур уже ведется дальнейшая работа с непрофильными активами. В данном случае я хотел бы привести в качестве примера такой собирательный образ некоего промышленного актива, который получил банк. Например, этот актив представлял из себя действующее промышленное предприятие, которое фактически потеряло платежеспособность. Это предприятие относилось к сегменту электротехнической промышленности. У этого предприятия было достаточно большое количество кредиторов, в том числе несколько банков являлись кредиторами этого предприятия.

Хочу сказать, что богатая практика, которую мы наработали за эти годы по всем этим стадиям управления непрофильными активами, позволяет нам достаточно уверенно сказать о том, что управление непрофильными активами – это, в первую очередь, совместная задача менеджмента, и специализированных подразделений банка и независимых консультантов, которые позволяют принимать минимально рискованные решения, связанные как с жизнью этого непрофильного актива во время управления, так и перед его реализацией.

Я буквально два слова еще хочу сказать, я вчера потратил некоторое время для того, чтобы объехать два непрофильных актива в Санкт-Петербурге и еще четыре, которые переходят в эту стадию, они связаны с нашими партнерами и коллегами банка, и хочу сказать, что, уважаемые коллеги, эти активы ждут наших с вами эффективных и правильных решений.

Спасибо за внимание, на этом я заканчиваю.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Вопросы есть? У меня два вопроса, если можно. Не буду скрывать, эти вопросы навеяны вопросами журналистов, а я хочу их вам переадресовать. Вопросы такие.

Как вы могли бы оценить объем непрофильных активов в банковском секторе на сегодняшний день, по сумме или по доле, как хотите?

И второе. В общем объеме непрофильных активов, с вашей точки зрения, какую долю занимает недвижимость, на любой стадии ее формирования?

АРТЕМЬЕВ А.Б.

На сегодняшний день у разных экспертов по разным методикам существует достаточно широкий коридор. Но по нашим оценкам, объем непрофильных активов в портфелях достигает около 10 – 12 %. Это первое.

Второе, что касается вопроса, связанного с удельным весом недвижимости. Удельный вес недвижимости, как я уже говорил – более 60%. Сегодня коллеги говорили о движимом имуществе, это отдельный большой вопрос. Большинство из этого – конечно, автомобильный транспорт, станки и оборудование.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Спасибо большое, я удовлетворен ответом. Надо сказать, что мои оценки совпадают.

Следующий выступающий у нас Жадобин Алексей Владимирович, Председатель Правления ООО «Расчетный центр Финансового Дома», Санкт-Петербург. Тема: *«Платежные услуги. Регулирование в ЕС и законодательные инициативы в России»*.

ЖАДОБИН А.В.

Добрый день, уважаемые коллеги!

Бурный рост интернет-коммуникаций за последние 15 лет привел, соответственно, к бурному росту торговли между физическими и юридическими лицами как у нас, так и за рубежом. И поэтому, безусловно, регулирующие органы не могли не обратить внимание на такой резкий рост финансовых транзакций, потому что они уже стали и по объему достаточно значимыми, а системно значимыми стали и в налоговом смысле, и в смысле борьбы с грязными деньгами.

Европейский Союз еще в конце прошлого века, в 1997 году, принял первую регуляцию, и уже к 2007 году он принял новую регуляцию, отменяющую первую, которая ввела новый вид посредников, за исключением стандартных, которых мы знаем – национальные или государственные банки, кредитные организации, почты, которые имели право проводить платежи и, соответственно, почтовые переводы. И появился новый вид регуляции, который ввел такое понятие, как платежные учреждения. Сообразно тем реалиям, которые были, с одной стороны, было сделано некое послабление по отношению к кредитным организациям, так как они проводили только платежные услуги, но, с другой стороны, та очередность действий при получении разрешения на право такой деятельности, была полностью принята.

Было введено понятие платежных учреждений, которые для того, чтобы заниматься этой деятельностью, должны были контролирующим органам или органам надзора предоставить бизнес-план, заявить о начальном капитале, который уже при текущей деятельности должен был в зависимости от вида и

объемов деятельности увеличиваться, должны описывать структуру управления, механизмы контроля, включая управление рисками и, соответственно, как они должны отчитываться перед регулирующими органами и клиентами.

Также немаловажный вопрос – противодействие легализации преступных денег. И вопрос, который охватывает всю банковскую общественность, должны работать приличные люди, которые должны иметь соответствующее образование и пользоваться достаточной репутацией в сообществе.

Соответственно, эта деятельность сразу была и в настоящее время подвергается надзору, то есть специально выделенные органы (либо это Центральный банк, либо специально уполномоченные органы), которые явно прописаны в законе, которые требуют от платежных учреждений предоставления всей информации, которая позволяет мониторить ситуацию, проводить выездные проверки в платежных организациях. И если у таких платежных организаций есть агенты, проводить проверки таких агентов и обладает неоспоримым правом принимать рекомендации, правила и, при необходимости, административное решение, если что-то не так. И если что-то не так, такие надзорные органы имеют право принимать решение по отзыву разрешения на такой вид деятельности.

Когда такие платежные организации существуют, они должны при оказании платежных услуг, в первую очередь, обособить средства клиентов, которые используются для проведения платежей, от своих собственных средств, потому что понятно, что это хозяйствующие субъекты, у них могут быть свои плюсы, свои минусы. И чтобы не подвергать средства клиентов рискам, которые возлагаются на хозяйствующие субъекты, эти средства должны быть отделены - то, что мы в своем действующем текущем законодательстве называем «отдельный банковский счет».

Также они должны при всей своей действенности соблюдать требования по борьбе с грязными деньгами, а это, в первую очередь, как идентифицировать клиентов, они должны знать своего клиента. И при проведении платежей надлежащим образом следить за платежами, чтобы ненадлежащие платежи не могли проходить через данные системы.

И немаловажный момент и, в первую очередь, что их отличает от кредитных организаций, те средства, которые они принимают, не должны приниматься в рост, то есть это не вклады. Это только те средства, которые принимаются для проведения платежей. Они должны подвергаться ежегодным отчетам, обязательному аудиту, в течение пяти лет хранить всю необходимую информацию и если вдруг необходимо поинтересоваться тем или иным клиентом, или определенной сделкой в течение определенного времени, такие регуляции в ЕС сведены.

Данная директива была принята в ноябре 2007 года и к ноябрю 2009 года все 27 стран ЕС свои действующие законодательства должны были привести. К сожалению, я не знаю, смогли ли они, все 27, это сделать, но есть надежда, что базовые правила для них были установлены и в этом направлении все государства движутся.

Немаловажным фактом является использование аутсорсинга при проведении финансовых транзакций. Что это такое? Например, вы не всегда можете полностью оказать платежную услугу до конца и вы привлекаете агентов, и законодательство построено таким образом, чтобы привлечь агента так, что вы за него несете полную ответственность, и мне кажется, что это очень правильно. И второе, что вы должны знать этого агента, руководителя, как он соблюдает правила внутреннего контроля, какие у него операционные функции. То есть, хотя это может быть самостоятельное юридическое лицо, но вы за него несете ответственность. И в этом плане, мне кажется, аутсорсинг – это здравая и разумная вещь.

И, таким образом, в ЕС уже имеется законодательство, которое в достаточной мере, с одной стороны, разумно, потому что имеет не очень большие средства на вход этого рынка. Правда, если

установить чуть больше, вам нужно от оборотов повышать свои собственные средства. Есть определенные методики, которые позволяют в той или иной мере контролировать капитал и теперь нам нужно перейти на российскую действительность.

Безусловно, все знают, что у нас есть платежная система, которая так себя называет. Примерные обороты в миллиардах рублей, это не точные цифры, потому что точных цифр мы, к сожалению, не знаем, это некоторые оценки, из публикаций, из оценок экспертов, которые существуют в настоящее время. Мне кажется, цифры не маленькие, цифры большие.

Посему в настоящее время достаточно активно обсуждается закон, который называется Закон о национальной платежной системе. Я бы не хотел касаться той части закона, которая связана с электронными деньгами, с одной стороны, и с другой стороны - национального оператора, национальной платежной системы. Это отдельный вопрос, самостоятельный. Я хотел бы остановиться на том факторе, который называется в законе «операторы платежных систем». Потому что зачастую на сайтах данных платежных систем можно видеть данные сентенции, когда они обоснуют свою юридическую полезность и значимость, что схема работает в соответствии с законодательством, в чеках, в электронной форме и подкреплена различными документами, дальше читать просто невозможно. Финансовые потоки и вовсе нельзя назвать денежными, в системе обращаются не деньги, а электронная валюта. После этого любой разумный человек как-то теряется, не понимает, о чем идет речь, и, видимо, как раз и нужны необходимые регуляции для того, чтобы нам всем во всем этом разбираться.

Посему появился проект закона, который активно обсуждается, и я даже видел около 3 или 4 редакций в различном виде, и что немаловажно, там есть такое понятие, что должна существовать для таких платежных систем разрешительная деятельность. С учетом того факта, что они уже существуют, они должны обладать чистыми активами от 10 миллионов рублей. Конечно, такой интересный вопрос, потому что это обычно юрлица. Что такое чистые активы? Господа предприниматели такие жизнерадостные, и, скорее всего, те чистые активы с учетом планов-счетов, которыми они обладают – это будут животные на выращивании и откорме где-нибудь в монгольских степях, но сам факт имеет место быть. Может быть, законодателю изначально нужно подумать о том, какими чистыми активами должны они быть представлены.

Должны представить бизнес-план и правила работы платежной системы. Должны заявить о квалификации и репутации руководителей, и потом фактически, по методологии, как принято для банков России и для платежных организаций в ЕС, должен быть надзор, должна быть отчетность и аудит, система управления рисками. И один из ключевых моментов, который вызывает острую дискуссию – идентификация участников платежных систем.

Что в настоящее время мы имеем? Все участники платежных систем, которые в настоящее время есть, не идентифицированы. И те обороты средств, которые проходят от получателей к поставщикам, от поставщиков к получателям, между физиками, между лириками и юриками, к сожалению, за исключением самой платежной системы, никто об этом не знает, и проверить это невозможно. Поэтому в настоящее время платежные системы подвергают большому сомнению вопросы идентификации. Как мне кажется, законодателям и финансовому сообществу, которые понимают риски этих вопросов, настоятельным образом нужно говорить о том, что обязательность идентификации платежных систем нужна в связи с налоговым учетом, и борьбой с грязными деньгами. В первую очередь, при регуляции и при ведении обычных расчетных счетов, что на них возлагается?

Я свой доклад закончил. Спасибо. Если есть вопросы, я готов ответить.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Пожалуйста, коллеги, вопросы есть? Хорошо, спасибо.

Следующий выступающий Корниенко Михаил Алексеевич, руководитель проектов Департамента оценки бизнеса и нематериальных активов, Консалтинговая группа «НЭО Центр», Москва. Тема: «Оценка бизнеса заемщика как элемент управления кредитным риском».

КОРНИЕНКО М.А.

Коллеги, добрый день.

В рамках своего выступления я хотел бы затронуть специфические вопросы, которые накоплены «НЭО Центром» кредиторами, заемщиками, и вкратце изложить их здесь.

Уже звучали сегодня вопросы по оценке недвижимости и движимого имущества. Я бы хотел затронуть вопросы по оценке бизнеса.

Как вам известно, процесс оценки бизнеса начинается со сбора информации, ее анализа и дальнейшего применения трех подходов к оценке, и, как итог, выведение итоговой рыночной и ликвидационной стоимости объекта оценки.

В целях оценки бизнеса для залога наиболее важным этапом является анализ выданных гарантий, поручительств, а также имеющегося кредитного портфеля компании. Для чего это нужно? Очень часто гарантии, поручительства, которые выдает компания, выданы аффилированным компаниям, дочерним компаниям и компаниям, находящимся внутри холдинга.

К чему это может привести? Полученная рыночная стоимость компании бывает недостаточной для покрытия тех гарантий и поручительств, которые она выдала по этим аффилированным компаниям. Чтобы этого избежать, необходимо проводить анализ прогноза денежных потоков компаний, которым выдано поручительство. Проведение данного анализа позволит оценить достаточность погашения и обслуживания текущего долга по данным компаниям.

Следующим немаловажным этапом является проведение анализа рисков, которые присущи компаниям, и дальнейшее их отражение в ставке дисконтирования средневзвешенной стоимости капитала WACC.

Я не буду детально останавливаться на всех рисках. Отмечу риски, которые присущи для компаний, находящихся на инвестиционной стадии, такие как смещение сроков реализации и доступность капитала, а также технологические и производственные риски. Всем вам известны недавние события в угольной отрасли, в энергетической отрасли. Итоги, которые мы имеем на данный момент, в принципе можно неким образом отобразить в ставке WACC. Зачастую компании, которые занимаются данными проектами, не всегда отражают капитальные вложения на технологическое оборудование, на поддержание безопасности проектов, как минимум, это можно отразить в ставке WACC.

Период прогнозирования тоже является немаловажным этапом при данной оценке. Период прогнозирования, как минимум, строится на периоде привлечения денежных средств от банка, и банк может видеть влияние всех специфических рисков на проект как на период привлечения, так и на дальнейшее его развитие.

Не менее важным моментом является понимание возможности по обслуживанию долга самой компании. Чтобы провести данный анализ в рамках доходного подхода традиционно используется приведенная схема прогнозирования денежного потока на собственный акционерный капитал. Стоит

отметить, что дисконтирование данных потоков производится по средневзвешенной стоимости капитала, в которой отражены специфические риски компании, озвученные ранее.

Хочу также отметить, что при использовании доходного подхода можно произвести дополнительный анализ чувствительности проекта и подробный анализ достаточности объемов производства, реализации продукции, цен на продукцию, операционных затрат, необходимых капитальных вложений, чтобы банк понимал все возможности компании по обслуживанию долга.

В качестве символического примера приведу прогноз движения денежных средств условной компании. Как видите, в 2010 году компании необходимо погасить долг в размере 50 условных единиц, но операционных потоков для погашения данной задолженности недостаточно. Как следствие, между кредитором и заемщиком могут быть проведены переговоры на основании подобного анализа чувствительности и, как итог, реструктурировать данный долг на 2011 год. Как видно из таблицы, в 2011 году компания вполне может обслуживать как задолженность на 2011 год, так и долг, который необходимо было погасить в 2010 году.

Цель данного анализа и цель данных переговоров для банка – сохранить клиента, для заемщика – не допустить дефолта.

Итогом проведения оценки является выведение ликвидационной стоимости на базе рыночной стоимости. Наиболее важные моменты и основные параметры, которые влияют на расчет ликвидационной стоимости и имеют временной фактор - такие, как разумный срок экспозиции, срок вынужденной продажи и судебного разбирательства.

Сегодня уже звучали тезисы о непрофильных активах и их реализации. В принципе, при расчете ликвидационной стоимости банк может понимать последствия, возможные риски от реализации актива.

Из практики нашей компании средний дисконт для ликвидационной стоимости от рыночной для пакетов акций составляет 40 – 50%, для оборудования – 50 – 55%. Естественно, все объекты оценки являются специфическими, уникальными, поэтому данный диапазон не является некоей догмой, и в каждом случае коэффициент ликвидности свой.

Заканчивая свое выступление, я бы хотел еще раз отметить наиболее важные этапы при проведении оценки в целях залога. Прежде всего, это проведение детального анализа кредитного портфеля компании, а также выданных гарантий и поручительств на аффилированную компанию. Также анализ и последующее составление перечня специфических рисков и отражение их ставки. Не менее важным этапом, как я уже отмечал, является анализ компании на возможность обслуживания текущего и планируемого долга в рамках доходного подхода. И, как следствие, все это может помочь кредиторам, заемщикам учитывать все риски, максимально это отразить в своей оценке и в своей работе.

Спасибо за внимание.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

У нас следующий выступающий Сургунд Роман Александрович, руководитель направления по продаже решений в финансовом секторе, Компания «IBM». Тема: *«Интегрированное управление рисками – подход IBM»*.

СУРГУНД Р.А.

Я с вашего разрешения, поскольку было много слов сказано по поводу управления финансовыми рисками, сконцентрируюсь на финансовых преступлениях. По нашему мнению, и эта мысль звучала вчера

на пленарном заседании, операционные риски в целом и риски, связанные с финансовыми преступлениями, недооценены. И в ходе своей презентации я постараюсь это продемонстрировать.

Здесь под управлением рисками в части противодействия финансовым преступлениям мы понимаем безопасность всех видов транзакций, проактивное предотвращение все более изощренных внешних и внутренних запрещенных активностей, и отработку, то есть расследование этих событий. Причем, мы видим, что события эти связаны между собой, и зачастую, когда происходят финансовые преступления, происходит сначала кража денег, потом их отмывание, потом использование еще каким-то способом. То есть мы видим, что эти преступления носят комплексный характер.

Хотелось бы продемонстрировать некую статистику. Коллеги из Великобритании сообщили о том, что в первом квартале 2010 года по отношению к 2009 году практически на 20 процентов увеличилось количество мошенничеств при идентификации.

Что такое идентификация? Это когда человек или юридическое лицо обращается за кредитом в банк. И тут мы видим, что если мошенничество производится в этом контексте, то сразу не говорим о риске, связанном с мошенничеством, а поднимается уровень на первое место, и мы говорим о связи этого с кредитным риском.

Английские товарищи зафиксировали 60 тысяч подтвержденных случаев мошенничества в квартал, российская статистика и господин Патрушев (секретарь Совета безопасности России) 18 мая 2010 года отметил рост преступлений в кредитно-финансовой сфере, которые составляют, как он сказал, более половины уголовных деяний, совершенных преступными группировками. При этом отмечается слияние общеуголовных преступлений и экономической направленности.

За 2010 год статистику я пока не нашел, но в 2009 году число преступлений, связанных с финансово-кредитной системой в России возросло на 2%, при этом число преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размере, в России увеличилось практически на 12%. Так что та «прачечная», которая изображена на моей картинке, продолжает работать и количество оборотов с каждым годом увеличивается.

При этом мы видим, что регуляторы и власти не стоят на месте, а усиливают свое действие. Все мы слышали о громких случаях борьбы с подобными явлениями, здесь я привел несколько примеров.

Первый случай: товарищ был арестован за отмывание практически полумиллиарда долларов через фонды, связанные с онлайн-гемблингом. Мы видим увеличение масштабов, и то, что используются самые современные технологии, то есть эти люди учатся быстрее, чем банки, и подчас быстрее, чем эти компании, которые эти технологии изобретают.

24 марта 2010 года в Великобритании была произведена зачистка лондонского Сити. Мы все привыкли к зачисткам каких-то мест дислокации террористов, но оказалось, что лондонский Сити тоже можно зачистить. И были арестованы достаточно высокопоставленные товарищи.

Следующий тренд – это персональная ответственность руководителя, на картинке приведено место, куда зачастую можно попасть, если в финансовом учреждении не поставлен правильный внутренний контроль. При этом неизвестно, то ли эти товарищи занимались отмыванием, то ли их подчиненные, но результат виден.

Размеры штрафов могут быть очень большими – от 13 миллионов долларов в банке UBS за то, что за счет клиентов совершались какие-то операции, ABN Amro - 80 миллионов долларов. Мы видим, что риск реально может быть недооценен.

IBM имеет, как глобальная компания, большой опыт по помощи финансовым учреждениям по противодействию финансовым преступлениям. Здесь этот опыт представлен. И в России мы тоже начали этим заниматься, есть ряд проектов.

По поводу проблем, с которыми сталкиваются наши заказчики при управлении рисками, связанными с финансовыми преступлениями, хотелось бы выделить следующее.

Первое – это усложнение и удорожание идентификации и предупреждения действий злоумышленников. Без IT-систем мы понимаем, что обнаружить такие преступления становится все сложнее.

С другой стороны, усложнение требований регуляторов.

Дальше – усложнение финансовых инструментов и увеличение международных операций.

Кстати, банк, с которым мы начали сотрудничество по внедрению такой системы, исторически сконцентрирован на работе с банками-корреспондентами в зарубежных странах.

IT-системы предыдущих поколений не устраивают по производительности и функциональности. И зачастую сложно количественно обосновать инвестиции во внедрение такого рода средств для борьбы с финансовыми преступлениями.

При этом зачастую мы видим некий традиционный подход к мониторингу, когда отдельно мониторится каждый канал. Каждая линия бизнеса в банке имеет собственную группу по расследованию подобных преступлений или жульничеств. И все это приводит к тому, что системы имеют высокую стоимость, они дублируют функции друг друга, и невозможно своевременно проанализировать текущее состояние борьбы с финансовыми преступлениями на уровне или всего банка, или финансовой группы в целом.

Выход, на наш взгляд – это построение интегрированной системы противодействия финансовым преступлениям. Причем, здесь речь идет не только о технологиях, но в основном об организационных подходах.

Я пролистну, с вашего разрешения, следующие два слайда. Речь в них идет о том, что имеются средства, которые позволяют в банке иметь интегрированные, чистые данные, и на основании них строить соответствующие системы.

И вот решение, которое мы на российский рынок продвигаем – решение компании NorKom Technologies. Это как раз единая платформа по противодействию финансовым преступлениям и с точки зрения отмывания, и карточного фрода, и он-лайн фрода, и при этом достигается значительная экономия средств. И можно обосновать инвестиции за счет, например, карточного фрода - потерь от карточных преступлений, и за счет этого внедрить единую платформу, которая покрывает все задачи банка по данной теме.

Почему IBM? Я его уже использовал в наших презентациях. Просто из-за того, что подход комплексный – раз, и, во-вторых, системы эти достаточно сложные, и зачастую банк просто не может сам их разработать.

Я закончил. Спасибо за внимание.

И, пользуясь случаем, хотел бы поздравить Банк России со 150-летием и пожелать всем над головой чистого голубого неба.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Спасибо большое.

Уважаемые коллеги, я так понимаю, что все вопросы, которые у вас будут к Роману Александровичу и ко всем прочим другим выступающим, которые вы не успели задать в ходе нашей секции, вы зададите потом, во время обеда, после обеда и так далее. Потому что Банк России практически прожил 150 лет, чего и вам желаем, и 150 лет, я думаю, будет достаточно, чтобы выяснить все вопросы.

Мы выслушали все выступления. В моем представлении, все выступления были весьма информативными. Надо отдать должное выступающим, они старались, и в основном все были лаконичны. Это тоже плюс, который позволил нам выполнить обязательную программу, которая у нас есть.

В отношении дискуссии, какие-то вопросы были обсуждены более подробно, какие-то чуть менее подробно, некоторые вообще не обсуждены. Понятно, что лимит времени и широкая тема, которую мы здесь обсуждали, накладывали здесь определенные ограничения на возможность такого общения в рамках дискуссии.

У меня осталось два вопроса, которые мне были заданы. Я постараюсь уложиться в полторы минуты.

Концентрация рисков и регулирование. Крайне непростой вопрос. Работает международная группа, к этому сейчас обращено внимание международных регуляторов. Будут соответствующие рекомендации, будем смотреть. Что мы предполагаем делать по этому направлению?

Прежде всего, концентрация рисков – понятие достаточно емкое, неоднородное – это концентрация отраслевая, концентрация географическая, концентрация на лицо или группы связанных лиц. Мы в большей степени пытаемся двигаться по линии концентрации на лицо или группы связанных лиц.

Что для этого необходимо помимо того, что мы уже имеем? В моем представлении, необходимо с точки зрения того, что концентрация, как правило, сопрягается с нетранспарентностью, - ориентация на нетранспарентность. На нетранспарентность мы и предполагаем ориентироваться через признаки этой самой нетранспарентности – через операции, которые не имеют реального экономического смысла. С точки зрения инструмента, это соответствующие дополнительные повышающие коэффициенты по оценке уровня рисков, применительно к оценке достаточности капитала, к требованиям по ликвидности, применительно к вопросам, связанным с созданием резерва на возможные потери. Это некая линия «плюс».

Что необходимо? Две вещи:

- профессиональное суждение, расширение возможностей использовать профессиональное суждение для регулятора;

- и для банкиров, и регуляторов – это повышение ответственности, о чем я говорил, за качество оценки, за качество принимаемых решений.

То, что подскажет международный опыт, конечно же, это тоже будет воспринято.

И, наконец, был вопрос в отношении преобразований банков в Открытые Акционерные Общества для целей деконцентрации риска на владельца. В моем понимании это формальная сторона дела, которая вряд ли может сама по себе привести к результативной составляющей, потому что легко могу себе представить, что 10, не связанных внешне лиц, владеют 100 процентами Открытого Акционерного Общества, а за ними на некоем этаже сидит кукловод, который и является бенефициарным собственником. И я не против того, чтобы одно лицо или семья владела банком, это нормально. Вопрос в другом – чем занимается этот банк? Если он обслуживает интересы данной семьи, то это уже не банк, это уже карманный, семейный банк, и к нему относятся как к кошельку – деньги выгашить надо, а вложить туда – под вопросом.

Опять же, не подвергаю сомнению добросовестность владельцев. Но все под Богом ходим: сегодня хорошо, а завтра плохо, и все кредиторы находятся под угрозой.

Подводя итоги нашей секции, еще раз благодарю всех участников и тех, кто представил свои презентации, и тех, кто слушал эти презентации, принимал участие в их обсуждении.

Отдельная благодарность переводчикам, поскольку они выполняли очень сложный труд и, по моему, справились, насколько я вижу реакции тех, кто пользовался услугами перевода.